ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 3 (3032) | Вторник, 6 января 1953 г. | Цена 40 коп.

Новый литературный год

Наш Новый год появляется в комбинезоне строителя. Он принимает у предшественника смену, поднимается на леса и заступает на свою трудовую вахту.

С каждым годом фронт работ на новой вахте сложнее и шире. И всякий прожитый страною год обозначает собою новый этап развития во всех областях жизни народа.

Так же неуклонно развивается, обогащается из года в год многогранная духовная жизнь советских людей — социалистическая культура, литература, искусство, выпестованные Коммунистической партией и мудро руководимые ею.

Это полностью относится и к минувшему 1952 году.

Огромным событием в жизни всей страны явилось опубликование гениального труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», — научно обоснованной, конкретной программы строительства коммунизма.

Новый труд товарища Сталина неизмеримо обогатил всех советских людей. Для каждого писателя он явился неисчерпаемым источником силы, ключом к познанию действительности. Это — вышка, с которой открывается не только все, что окружает нас сегодня, но с которой ясно видны необозримые дали нашего будущего.

Основной закон социализма — забота о человеке, — учит нас товарищ Сталин.

Этот основной закон нашей жизни определяет собою все развитие литературы социалистического реализма, задачи каждого писателя, требования, предъявляемые к литературе народом, партией Ленина—Сталина.

Забота о человеке означает для писателя прежде всего необходимость создания убедительного и всесторонне показанного образа положительного героя, которому миллионный читатель мог бы следовать в жизни, в труде, в борьбе.

Забота о человеке требует от литератора, чтобы он, любовно выращивая ростки нового, беспощадно уничтожал все сорняки, пробивающиеся между этими ростками.

Забота литературы о человеке — это правда жизни, отраженная художником.

Когда партия отмечает хорошую книгу или поправляет писателя, когда партия указывает на ошибки и помогает устранить помехи на пути развития литературы, — за всеми ее указаниями неизменно стоит требование:

— Пишите правду!

В минувшем 1952 году, как и в прошлые годы, партия проявляла повседневную, взыскательную сталинскую заботу о судьбах советской литературы. Эта забота находила свое выражение в выступлениях партийной печати, в том внимании, какое уделил литературным вопросам XIX съезд КПСС.

В развитии советской литературы этот год был исключительно плодотворным и важным. Речь идет не только о количественных достижениях; хотя и они, — особенно в области художественной прозы, — были весьма значительны. Речь идет прежде всего о том, что в 1952 году в литературной жизни произошли чрезвычайно существенные процессы, имеющие не временное, преходящее значение, но на долгое и долгое время определяющие и ускоряющие плодотворное развитие всех жанров нашей литературы.

Уже в самом начале прошлого года партийная печать разоблачила антиреалистическую суть так называемой «теории бесконфликтности». Отрицание конфликтов в нашей жизни — неправда, уводящая литературу от выполнения ее долга. И потому разгром этой «теории», которая взрастила на своей бесплодной почве немало худосочных уродцев-произведений, благотворен для всех литературных жанров, и в первую очередь для драматургии, которой «теоретики» бесконфликтности нанесли наиболее ощутимый урон. Борьбу с бесконфликтностью нельзя, однако, считать завершенной. У нас все еще появляются аморфные, скучные произведения, в которых вместо стремления разрешить насущные острые вопросы действительности присутствует лишь стремление драматурга обойти все острые углы, пригладить, «причесать» действительность. Реальная жизнь лишается в таких произведениях главной своей приметы — постоянной напряженной борьбы, сопутствующей утверждению нового, а герои, выхваченные из этой борьбы и перенесенные в искусственную, тепличную атмосферу, неизбежно оказываются обедненными, лишенными присущих им подлинных страстей, подлинной силы.

К числу таких произведений принадлежит, например, напечатанная в «Новом мире» повесть А. Акимовой «Первое сентября». Лакировке подвергла сценаристка К. Виноградская повесть И. Василенко «Звездочка», экранизируя ее для фильма «Навстречу жизни». В пьесе К. Финна «Личная жизнь» живые проблемы подменены надуманными, непомерно раздутыми подобиями проблем, а потому и люди неизбежно оказались там лишь подобиями людей, ходячими схемами. Стремление к приглаживанию, нарочитая облегченность сказались и в изображении личной жизни семьи Очаковых, показанной в пьесе А. Софронова «В наши дни».

Неумение отобразить действительные конфликты, стремление «закруглить углы» проявляются и в беспредметных рассказах, написанных словно бы «ни о чем», и в незначительных, хотя и объемистых повестях и романах. Следует отметить, что порою один и тот же писатель умеет раскрыть своих героев в реальном конфликте, описывая прошлое, но теряет эту способность, показывая события нынешнего дня. Очень показателен в этом смысле интересно задуманный и хорошо начатый роман Е. Пермитина «Горные орлы». Герои его раскрываются полно и многообразно в первых частях, посвященных делам четвертьвековой давности; пятая же часть, повествующая о современном алтайском колхозе, статична, описательна; лишенные борьбы герои теряют здесь жизненность, превращаются в условный чертеж.

Не изжита бесконфликтность и в поэзии, где она зачастую лишает лирического героя живой страсти, приводит к созданию вялых и слащавых пустячков, лишенных ясной целеустремленности и поэтической силы. Давно бы уже следовало критике со всею серьезностью указать, например, поэту Е. Долматовскому на то, что лирический герой многих его стихотворений воспринимается, как бездумный бодрячок, у которого восторженные междометия зачастую подменяют глубокое и индивидуальное восприятие окружающего мира, отличающее подлинную поэзию.

В литературной критике «теория бесконфликтности» насаждалась не только путем прямых разглагольствований на эту тему; иные критики уводили писателя от правды жизни и тем, что при разборе произведений отмахивались от изображенных в этих произведениях реальных конфликтов, объявляли их якобы несуществующими, зачеркивали безапелляционным, но далеким от истинного сопоставления с действительностью приговором: «Так в жизни не бывает». Именно с этих вредных позиций некоторые органы печати, в том числе «Литературная газета» (в корреспонденции М. Зорина), подошли к оценке такого значительного произведения советской литературы, как роман В. Лациса «К новому берегу». Анализ достоинств этого романа в партийной печати дает урок вдумчивого подхода к литературным явлениям, к оценке их на основе неразрывной взаимосвязи с действительными явлениями жизни и повторяет все тот же призыв:

— Пишите правду!

К глубокому изучению жизни и всестороннему отражению действительности еще раз призвала литературу партийная печать, высоко оценивая роман молодого ленинградского писателя В. Кочетова «Журбины». Важнейшее достоинство романа состоит в том, что автору удалось в нем широко и разнообразно показать всю многогранную жизнь рядового советского человека, широту его интересов, выходящих далеко за пределы «рабочего места».

Однако все еще появляются и такие произведения, где технология вытесняет живого героя, подавляет его личные интересы, его переживания, и тем самым, по существу, нарушается жизненная правда в самой ее основе. Так случилось с героями романа Ю. Лаптева «Путь открыт», чьи судьбы оказались как бы необязательным придатком к описанию работы железнодорожного узла.

Долг литературы перед живым героем нашей советской жизни слишком еще велик, и для того, чтобы его оплатить, предстоит сделать несравненно больше, чем сделано.

Наряду с призывом к углубленному и полному показу положительного героя современности партийная печать обратила внимание писателей на то, что наша литература крайне недостаточно использует такое острое оружие борьбы с пороками, имеющими место в общественной жизни, с пережитками старого, гнездящимися в сознании людей, как оружие сатиры, остро отточенное великими русскими писателями прошлого. «Нам Гоголи и Щедрины нужны», — напомнила партия.

Умная, острая, точно нацеленная сатира — одна из наиболее активных форм утверждения правды нового в ее постоянном единоборстве с сопротивляющейся кривдой старого, капиталистического образа жизни.

Партийная печать подает примеры активного использования этой формы. Фельетоны, бичующие конкретных носителей зла, все чаще публикуются на страницах газет. Это огромный материал для обобщения и анализа целого ряда явлений средствами литературы.

В 1952 году появились комедии Н. Вирты «Гибель Помпеева» и Л. Зорина «Откровенный разговор». Стоит напомнить, что пьеса Зорина претерпела немало мытарств, кочуя по рукам театральных руководителей, считавших, что отказаться от комедии спокойнее, нежели ее ставить. Но следует сказать также и о том, что оба драматурга вступали в область комедии недостаточно смело. И образ Помпеева и вся пьеса в целом написаны Н. Виртой как бы двумя почерками. Почерк сатирика нередко исчезает, уступая место почерку бытописателя, избегающего преувеличений и обострений. Л. Зорин, интересно начав пьесу, отказывается затем от сатирической остроты и на тормозах сводит действие к бесцветной, вялой концовке.

Умение видеть и понимать конфликты реальной жизни, умение всесторонне показывать носителей положительного начала и беспощадно бичевать все отсталое, мешающее движению вперед, — все это задачи большие и сложные. Чрезвычайно важную роль для решения их имеет глубокое уяснение писателями проблемы типичности, изрядно запутанной в критике и литературоведении.

Этой проблеме, самой важной для советского писателя, Г. М. Маленков уделил большое внимание в отчетном докладе XIX съезду партии о работе ЦК.

В понимании типического, в выявлении своего отношения к тем или иным типическим явлениям жизни художник выражает свою политическую позицию, свою партийность.

Умение отличать массовидное от типического, видеть ростки нового и поддерживать их, беспощадно уничтожая сорняки, зачастую пробивающиеся рядом, — таковы задачи литературы, которые подчеркивала партия, направляя художников слова на успешное решение этих задач.

Именно пренебрежение к изучению типического явилось главной причиной того поражения, какое потерпел Ф. Панферов, с чрезмерной поспешностью опубликовавший свою художественно несостоятельную пьесу «Когда мы красивы». Механически перенеся тезисы старого своего литературного замысла в обстановку наших дней, писатель не затруднил себя поисками типических явлений действительности, в которых мог бы быть раскрыт его замысел. Правда темы утонула в недостоверных, фальшивых деталях, в непродуманных характеристиках героев, задуманных много лет назад и лишь наспех переодетых в костюмы нынешнего времени.

В минувшем году, как и прежде, партийная критика снова и снова подчеркивала необходимость еще более настойчивой борьбы за художественное совершенство литературы социалистического реализма.

Овладеть формой — это значит не только овладеть словом, искусством точной характеристики, ярким образным живописанием. Писатель должен стремиться к точной композиции вещи, к наиболее полному изучению законов жанра, в котором он работает. Между тем известная рыхлость формы, растянутость являются недостатками, присущими многим, в том числе и наиболее значительным произведениям минувшего года. Есть эти недостатки и в романе В. Гроссмана «За правое дело», и в романе В. Кетлинской «Дни нашей жизни».

Некоторые опубликованные вещи, напротив, испорчены стремлением автора уложить прихотливое и разнообразное течение жизни в жесткие рамки заранее предрешенной искусственной схемы, стремлением выкрасить каждого героя одной нарочито выбранной краской и расставить их в соответствии с заданной диспозицией. Такую мертвую схему находим мы в романе Г. Свирского «Здравствуй, университет!».

Обилием тусклых, штампованных слов и стертыми чертами характеристик в значительной мере испорчен широко задуманный роман Г. Шолохова-Синявского «Волгины».

Эти недостатки — и схематизм, и штампы, и тот мелкий пересохший фарватер мыслей и чувств, по которому вынуждены плыть герои иных книг, — все эти грехи в области художественной формы неизбежно возникают, как следствие отступления от жизненной правды.

Но критика слишком еще редко видит прямую взаимосвязь между недостатками формы и содержания, слишком неглубоко анализирует художественную форму. Разговор о художественных достоинствах или несовершенствах, как правило, сводится к оторванным от общего анализа вещи нескольким оценочным репликам в конце статьи: фраза о композиции, фраза о языке, два-три примера. Порою такая произвольность суждений рождает замечания, способные лишь дезориентировать автора. Например, критик Н. Калитин в рецензии, напечатанной в «Новом мире», невзначай упрекнул Е. Успенскую за то, что в ее повести «Наше лето»... слишком мало действующих лиц. Почему? Какие стороны жизни требовали для своего раскрытия введения дополнительных героев? Это конкретное обоснование отсутствует в рецензии. Между тем критику следовало бы показать, что именно точный отбор необходимых действующих лиц, хорошо организованных в литературном произведении, составляет достоинство вещи по сравнению с целым рядом перенаселенных, но неорганизованных книг.

Критика и литературоведение все еще очень слабо выполняют самую главную свою задачу: разработку вопросов марксистско-ленинской эстетики, марксистско-ленинской теории литературы в связи с конкретными явлениями литературной жизни. Слишком мало вкуса к разработке проблем теории и к анализу художественного мастерства проявляют сами писатели. Если мы обратимся к наследию классиков, мы увидим, сколь велико было внимание, уделяемое ими насущным вопросам художественного творчества, как взыскательно критиковали они собственные произведения и книги друзей. К сожалению, эта славная традиция русской литературы забывается многими современными нашими писателями, и это, несомненно, отрицательно сказывается на качестве их произведений.

Отсутствие вкуса к критике, свойственное отдельным писателям, неразрывно связано с таким же очевидным отсутствием вкуса к критике, какое зачастую проявляет в своей работе Союз советских писателей в целом.

Развивая критику и самокритику во всех звеньях творческой жизни, Союз писателей обязан еще более активизировать работу своих комиссий и творческих секций. Пора от формального признания важности работы секций на словах перейти к практическому участию в их работе на деле.

Необходимо добиться, чтобы секции со всей принципиальной взыскательностью обсуждали крупнейшие произведения, появляющиеся в печати, и чтобы в этих обсуждениях принимали участие ведущие писатели, до сих пор все еще слишком часто уклонявшиеся от участия в секционной работе.

В литературно-художественных журналах Союза писателей должна быть достигнута подлинная коллегиальность руководства, исключающая беспринципный подход к публикуемым произведениям, приятельские поблажки, барское отношение к критике. Более высокого уровня и большей оперативности критики должна добиться и «Литературная газета», не раз запаздывавшая с оценкой значительных произведений советской литературы.

Конкретное руководство творческой жизнью писателей, мобилизация всех усилий на скорейшее решение наиболее важных вопросов, на скорейшее и успешное преодоление отставания в ведущих жанрах литературы — таковы задачи, о которых необходимо напомнить Союзу писателей и его органам в начале нового литературного года.

Вчера в Кремле

Вручение международной Сталинской премии общественному деятелю Индии Сайфуддину Китчлу

Вчера под высокими и светлыми сводами Свердловского зала в Кремле прозвучал живой голос борющейся Индии — голос Сайфуддина Китчлу, выдающегося общественного деятеля и председателя Всеиндийского совета мира. Здесь в два часа дня ему была вручена вчера международная Сталинская премия «За укрепление мира между народами».

Биография этого пламенного патриота и самоотверженного борца содержит немало мужественных выступлений в защиту мира. Каждому из них в качестве эпиграфа можно смело предпослать следующие строчки из стихов индийского поэта Чаттопадхайя:

Мы — мира верные сыны —
за мир стоим горою.

Сайфуддин Китчлу приехал в Москву из Вены. Там на Конгрессе народов в защиту мира он возглавлял индийскую делегацию. Там же во всеуслышание он заявил от имени своего народа: «Индия не хочет, чтобы ее ресурсы использовались врагами человечества в интересах войны».

...Кремль. Свердловский зал. Появление доктора Сайфуддина Китчлу представители советских общественных организаций, присутствующие в зале, встречают продолжительными аплодисментами. За столом президиума председатель Комитета по международным Сталинским премиям академик Д. В. Скобельцын, его заместители Го Мо-жо и Луи Арагон, член Комитета Илья Эренбург. В президиум приглашается также выдающаяся государственная и общественная деятельница Китая, лауреат международной Сталинской премии мира г-жа Сун Цзин-лин. В зале находится Чрезвычайный и Полномочный Посол Индии г-н К. П. Ш. Менон.

Академик Скобельцын сообщает, что на церемонии вручения международной Сталинской премии присутствует прибывшая в Москву вместе с доктором Китчлу индийская делегация, принимавшая участие в Конгрессе народов в защиту мира в Вене. В честь индийских борцов за мир в зале раздаются бурные продолжительные аплодисменты.

Академик Д. Скобельцын в краткой речи приветствует Сайфуддина Китчлу и под бурные аплодисменты вручает ему диплом и золотую медаль лауреата международной Сталинской премии. От имени Советского комитета защиты мира мужественного борца за мир поздравляет Н. Тихонов, от советских профсоюзов — Е. Чередниченко, от Антифашистского комитета советских женщин — А. Холопова и от имени деятелей советской культуры — В. Пудовкин.

На трибуне — соратник доктора Китчлу по борьбе за мир, член индийской делегации на Венском Конгрессе доктор Кумараппа, вице-председатель Всеиндийского совета мира. «Я не раскрою секрета, — говорит он, — если скажу, что доктор Китчлу отказался от почестей в общественной жизни и выбрал дело служения миру, дело, в котором человечество сегодня кровно заинтересовано.

Как вы, вероятно, знаете, доктор Китчлу является президентом Всеиндийского совета мира. Движение сторонников мира в Индии получит новый стимул благодаря присуждению этой премии. Необычайно важно, чтобы мы всей своей мощью двинули вперед дело мира.



Лауреат международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» Сайфуддин Китчлу выступает с речью в Свердловском зале

Нам хотелось бы думать, что так же как сердце матери естественно любит свое дитя, так же и мир должен был бы быть главной чертой в отношениях между членами человеческого общества».

Заканчивая свою речь, доктор Кумараппа возлагает на плечи Сайфуддина Китчлу гирлянду из живых роз — «в знак радости и почета».

Выступает лауреат международной Сталинской премии доктор Сайфуддин Китчлу. Он говорит горячо и взволнованно. Его слушают с глубоким вниманием.

«В моем лице эта награда, — говорит он, — присуждается тысячам индийских борцов за мир, которые своим самоотверженным трудом помогли созданию движения сторонников мира в Индии, пронесли голубое знамя с эмблемой голубя в города и деревни и привлекают под его сень все новые группы людей».

В своей речи Сайфуддин Китчлу подробно останавливается на движении сторонников мира в Индии. Нельзя удержаться в стороне от войны — это понимает каждый. Таков смысл его простых и ясных слов. Нельзя потому, что пламя имеет свойство распространяться, и в лесном пожаре ни одно дерево не может уцелеть, если его соседи объяты огнем. «Мы должны остановить войну!» — восклицает он.

«Я верю, что присуждение этой премии индийцу откроет широкий путь к укреплению дружественных отношений между Индией и Советским Союзом. Я хочу заявить сейчас здесь, с этой исторической трибуны, что никакая сила на земле не сможет заставить индийский народ участвовать прямо или косвенно в любой войне против Советского Союза!».

Эти слова покрываются бурными аплодисментами.

Тепло и естественно звучат слова доктора Китчлу — ветерана борьбы за независимость своей родины и мир во всем мире, — слова о великом знаменосце мира И. В. Сталине:

— Премия, которой вы наградили меня, носит имя того, кого почитают все, кто любит мир, — имя Сталина. Разрешите мне заверить вас, что я сделаю все, что в моих силах, чтобы быть достойным премии, которая носит имя того, кто пользуется величайшим уважением и любовью у миллионов людей во всех странах и кто посвятил всю свою жизнь делу мира.

Мир и дружба

Сайфуддин КИТЧЛУ

Я только что вернулся с волнующей церемонии, на которой мне была вручена международная Сталинская премия мира. Речь председателя Комитета по международным Сталинским премиям академика Д. В. Скобельцына и выступления различных представителей советского народа были проникнуты доброжелательством и дружбой. В каждом их слове чувствовалось столько любви к народу Индии, что, я знаю, эти слова взволнуют весь индийский народ так же, как взволновали меня.

Не хватает слов для того, чтобы описать чувства, владевшие мною в то время, когда я находился в историческом зале московского Кремля. Это было самым торжественным событием в моей жизни, и я с трудом сдерживал волнение. Но что больше всего заставляло мое сердце переполняться счастьем — это дружба, которая светилась в глазах сотен советских людей, окружавших меня! Я не чувствовал себя на чужбине, я словно был дома, в родном кругу. Советские люди — наши друзья, нет, больше того, они — наши братья и сестры.

Вот что занимало мои мысли во время торжественной церемонии в Кремле. Моя благодарность советскому народу за дружественный прием и оказанную мне высокую честь столь велика, что мне трудно найти слова для ее выражения. Вот все, что я могу теперь сказать: я люблю советский народ, Индия любит советский народ. Пусть наша любовь растет и крепнет. Я вполне уверен, что вручение премии индийцу будет способствовать быстрейшему росту движения за мир в Индии.

Бюро Всеиндийского совета мира соберется в середине февраля, чтобы подытожить успехи движения сторонников мира за время, прошедшее после Третьего Всеиндийского съезда, состоявшегося в сентябре прошлого года, и разработать план дальнейшей работы.

В период после сентября индийские борцы за мир направили две делегации на важные международные совещания — Конгресс сторонников мира стран Азии и Тихого океана в Пекине и Конгресс народов в защиту мира в Вене. Я удостоился чести возглавлять обе эти делегации, в каждой из которых были представлены все политические, общественные и культурные круги нашего народа, что свидетельствовало о новой силе нашего движения в защиту мира и его всеобъемлющем характере.

На протяжении этих месяцев мы организовали также кампанию за установление мира в Корее. Только в одном нашем штате Пенджаб в течение двух недель было собрано более 30.000 подписей под петициями о прекращении огня в Корее и за урегулирование вопроса о военнопленных в соответствии с Женевской конвенцией.

Кроме того, в нескольких провинциях, особенно в Бенгалии, развернулась кампания в защиту мирных и дружественных отношений с народом Пакистана. В дни, когда реакционные элементы разжигают индо-пакистанскую вражду, эта кампания имеет особенно важное значение.

На заседании нашего Бюро в феврале мы подвергнем оценке нашу прошлую работу и начнем новые кампании в духе решений Венского Конгресса и в соответствии с нашими собственными национальными интересами.

Мы надеемся в ближайшие месяцы организовать обмен делегациями с другими странами, и особенно с Советским Союзом, для того, чтобы крепли наша дружба и взаимное уважение. Через два-три месяца в Индии будут созваны конференции деятелей культуры в защиту мира.

Нашей ближайшей задачей по возвращении на родину будет популяризация решений Венского Конгресса. Мы считаем необходимым посвятить самое серьезное внимание расширению и усилению движения в защиту мира в Индии. И я не сомневаюсь в том, что нам удастся очень скоро обеспечить этому движению поддержку всего народа нашей страны.

МОСКВА, 5 января 1953 г.

ПОЭТ РУССКОГО НАРОДА

Беседа с председателем Комиссии по проведению 75-летия со дня смерти Н. А. Некрасова поэтом М. Исаковским

В эти дни во всех уголках нашей Родины — от столиц союзных республик до сел и кишлаков — на всех языках народов СССР произносится имя одного из самых народных русских поэтов — Николая Алексеевича Некрасова, чья «муза мести и печали» была полна глубоким сочувствием к страданиям угнетенных и горячей верой в могучую силу русского человека.

Прошло 75 лет со дня смерти Н. А. Некрасова. Мы отмечаем эту дату прежде всего широкой пропагандой его прекрасного творчества. Огромный тираж произведений Некрасова, составляющий за годы советской власти 16 миллионов 43 тысячи экземпляров, увеличится в этом году более чем на миллион экземпляров. Выпуском двенадцатого тома завершится полное собрание его сочинений; появится новое, трехтомное собрание избранных произведений. В массовых тиражах выпускаются сборники поэм и стихотворений.

Почти ежедневно в адрес Союза советских писателей СССР приходят сообщения из братских республик о готовящихся там изданиях переводов произведений поэта. На Украине, в Белоруссии, Армении, Эстонии, Таджикистане, Киргизии, Татарии, Удмуртии выходят однотомники, отдельные поэмы и стихи.

Некрасоведение обогащается новыми фундаментальными работами. Гослитиздат завершил издание трехтомной монографии В. Евгеньева-Максимова и выпускает большую книгу К. Чуковского «Поэзия Н. А. Некрасова». Общество по распространению политических и научных знаний дает массовому читателю брошюры «Некрасов и наша современность», «Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и некоторые другие. В Ярославле выходит сборник статей о его творчестве, книга о музее-усадьбе в Карабихе. Издательство «Искусство» готовит большой альбом, включающий несколько сот иллюстраций, посвященных жизни и деятельности поэта. Вот далеко не полный перечень того, что издается к некрасовским дням.

Некрасовская дата отмечается повсеместно. Во всех союзных и автономных республиках созданы комиссии по проведению 75-летия со дня смерти поэта, возглавляемые виднейшими писателями. Идут доклады и лекции, устраиваются научные сессии и литературные вечера. От Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина и Государственной Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина до маленьких школьных библиотек, от дворцов культуры до заводских и колхозных клубов и читален, вузов — всюду организуются выставки, рассказывающие советским людям о творчестве и неутомимой общественной деятельности великого поэта-демократа.

Имя Некрасова тесно связано с Ярославским краем — деревней Грешнево, где провел поэт детство и юность; Ярославлем, где проходили годы ученья; усадьбой Карабиха, куда он часто уезжал отдыхать и где писал поэмы «Русские женщины», «Мороз, Красный нос», «Кому на Руси жить хорошо», стихотворения «Возвращение», «Страда» и другие произведения.

В эти дни жители родных для Некрасова мест, отмечая память своего великого земляка, сравнивают горемычную долю его героев со своей счастливой, зажиточной жизнью. Все изменилось здесь неузнаваемо — и люди, и ландшафт. На месте нищих деревень выросли богатые колхозы. Потомки некогда забитых и угнетенных крестьян стали хозяевами жизни, орденоносцами, героями труда.

Полностью восстановлена усадьба Карабиха, претерпевшая большие разрушения; теперь она предстает перед нами в том же виде, в каком она была при жизни Некрасова. В десяти залах большого дома размещен богатейший литературный отдел, непрерывно пополняющийся новыми ценными экспонатами. Во флигеле, где жил Некрасов, открыт мемориальный музей-квартира.

Приезжавший на одно из заседаний некрасовской комиссии директор музея в Карабихе А. Тарасов рассказал, что за последние четыре года музей посетило более 50 тысяч человек, число посетителей растет из года в год. Музей получает множество писем из Москвы, Ленинграда, с Украины, из Казахстана, с Урала и из других мест, сообщающих о новонайденных изданиях произведений Некрасова, документах, связанных с его биографией. Все эти письма свидетельствуют о любви, которой окружено имя Некрасова в нашей стране. Вот любопытная подробность: когда для восстановления флигеля, где жил Некрасов, потребовались специальные обои, дирекция музея обратилась к минской фабрике с просьбой изготовить их. Через некоторое время была получена посылка с сопроводительным письмом, в котором директор фабрики сообщил, что обои изготовлялись в нерабочее время и посылаются бесплатно, как маленький дар коллектива фабрики.

Третьего дня в Карабихе состоялся народный митинг, а вчера в Ярославле — заседание, посвященное памяти поэта.

Послезавтра, в день 75-й годовщины со дня его смерти, в Москве состоится заседание. Со сцены Большого зала Московской консерватории вновь зазвучат вдохновенные строки великого поэта, поэта-гражданина, поэта-демократа, отдавшего свой талант борьбе против самодержавия — за светлое будущее трудового народа.

МИНОВАЛ ГОД...

ПОЧИН ШАХТЕРОВ

«Лучше используем передовую горную технику» — так называлась статья, напечатанная год назад на первой странице «Правды». Автор ее, донецкий шахтер Виктор Сугоняко, писал о том, что горняки шахт, разрабатывающих угольные пласты крутого залегания, получили прекрасную новую машину — угольный комбайн «ККП-1». «Такой машины, как наш комбайн,—с гордостью замечал он,—нет ни в одном угольном бассейне мира». И далее механизатор высказывал мысль, что «машина может давать гораздо больше того, что мы от нее получаем», что «новая горная техника открывает широкие перспективы дальнейшего подъема угольной промышленности, достижение ею новых успехов в начавшемся 1952 году».

Машинист шахты имени Румянцева Виктор Сугоняко от себя и от имени своих товарищей предлагал начать **социалистическое соревнование за лучшее использование угольного комбайна,** за повышение производительности труда шахтеров.

...Миновал год. Оглядываясь назад, мы видим, что почин машинистов-новаторов с шахты имени Румянцева нашел живой отклик в сердцах шахтеров и вызвал мощное движение механизаторов за дальнейшее внедрение угольного комбайна.

* * *

Вспомним факты.

На шахтах Горловки и Енакиево были созданы курсы машинистов, угольного комбайна «ККП-1», в течение года они выпустили 140 хорошо обученных машинистов.

Прошли совещания руководящих работников шахт и машинистов угольных комбайнов. Сугоняко рассказал о том, как он со своей бригадой внедрял новую машину, как он организует труд в своей комплексной бригаде.

Однажды на шахту имени Румянцева приехали представители шахты «Ново-Кондратьевка». Они попросили Виктора Сугоняко помочь освоить новую машину. После этого Сугоняко по утрам садился за руль «Победы», брал в машину своего помощника Федора Михутова, крепильщиков Николая Герасименко и Николая Калмыкова и отправлялся в «Ново-Кондратьевку».

— Это была бригада высокого класса,— вспоминает о них комбайнер этой шахты Василий Шестопалов. — Нас научили ценить каждую минуту, передали нам богатый опыт. Как только Сугоняко пришел в лаву, он сразу предложил снять с комбайна лыжу. «У вас уголь мягкий, — сказал он, — тут мы и без нее обойдемся». И верно: она была нам помехой. Пока присоединишь ее к комбайну, потеряешь, бывало, минут двадцать. Дальше Сугоняко дал нам еще один совет, касающийся каната, на котором навешен комбайн. Мы воспользовались этим советом и в результате стали экономить еще часа полтора в сутки.

* * *

Особенные успехи в освоении нового угольного комбайна достигнуты на енакиевской шахте «Юный коммунар». Комбайн «ККП-1» тут начали внедрять значительно позднее, чем на других шахтах. К этому, видимо, были свои причины: геологические условия в здешних лавах, прямо сказать, неблагоприятные.

Осваивать новую машину было поручено коммунисту Алексею Комарову. Он не раз читал в газетах о производственных успехах машиниста Михаила Халимошкина, добывающего на шахте имени Карла Маркса по 6.000 тонн угля и более в месяц. А ведь там геологические условия, пожалуй, не лучше; стало быть, комбайн может быть применен и на «Юном коммунаре».

Сначала в действие ввели один комбайн. Сам Алексей Комаров привез его с Горловского завода, сам и повел по лаве. Потом на машину пришли его брат Константин, Дмитрий Касымов—воспитанник горнопромышленной школы, комсомолец Андрей Борецкий, другие шахтеры.

На днях мне довелось беседовать с Алексеем Комаровым о перспективах дальнейшего освоения угольного комбайна «ККП-1».

— Прежде всего, — сказал Комаров, — в ближайшее время мы собираемся ввести в действие еще два комбайна, но будут ли это комбайны «ККП-1» в том виде, в каком их выпускает Горловский завод, я не знаю. Вы ничего не слышали вот об этом? — Он развернул лист ватманской бумаги с чертежом. — Мы изменили конструкцию. Тут поработал наш главный инженер Леонид Яковлевич Сазонов. И я руку приложил...

Мы придумали вот какую штуку — сняли с комбайна несколько тяжелых деталей и уменьшили его вес почти на тонну. Затем вот эту часть — редуктор, — он показал на чертеж, — закрепили наглухо, так что она больше не движется. Чего мы этим достигли? Машина сгоняет теперь полоску угля шириной в полметра. Это в наших условиях как раз и хорошо. Правда, тут мы как будто теряем на производительности машины, но зато теперь она скалывает уголь не только при движении сверху вниз, а в обоих направлениях.

* * *

Минувший год принес новые успехи многим выдающимся комбайнерам. Машинист шахты № 4-5 «Никитовка», лауреат Сталинской премии Ефим Стародубцев, писавший в начале 1952 года в изданной Углетехиздатом брошюре, что «месячная производительность комбайна может быть доведена до 6.000 тонн угля», сам же превзошел эту цифру: в декабре комбайн, на котором работает он с товарищами, добыл около 7.000 тонн. На шахте имени Румянцева Виктор Сугоняко, Александр Усов и Александр Сидоровский со своими бригадами выдали в марте более 6.000 тонн угля, а бригада лауреата Сталинской премии Михаила Халимошкина добыла в ноябре 7.250 тонн.

Так почин горловских механизаторов, горячо взявшихся за продвижение новой угледобывающей машины в забой и совершенствование ее конструкции, за повышение с ее помощью добычи высокосортного угля, вызвал к жизни новаторский почин других шахтеров, пробудил их творческую инициативу.

В 1952 году на шахту имени Румянцева пришло немало писем, в которых люди различных возрастов и профессий выражали свое восхищение новаторством и успехами Виктора Сугоняко.

О новой замечательной машине, о пионерах ее освоения узнали и наши друзья— горняки стран народной демократии. Некоторые из них, посетившие Советский Союз в 1952 году, видели комбайн в забоях горловских шахт, другие узнали о нем из газетных сообщений. Они также пишут в Донбасс. Вот письмо Нагь Карола — стахановца румынской шахты «Аниноса Валя Жиулуй»:

«Дорогие товарищи!.. Я имел возможность посетить Советский Союз. Я побывал в нескольких угольных шахтах Донбасса и был изумлен прекрасными условиями труда и жизни советских шахтеров, высокой механизацией шахт. После моего возвращения на родину я широко популяризировал виденное мною в СССР и одновременно начал применять методы труда, позаимствованные у советских шахтеров. Таким образом, мне удалось осуществить перевыполнение норм на 40—50 процентов».

* * *

В канун Нового года я беседовал с Виктором Сугоняко, который в числе других механизаторов и создателей комбайна «ККП-1» был удостоен в 1952 году Сталинской премии первой степени.

— Каковы ваши планы на новый, 1953 год?

— Сейчас мы начинаем работы на новом горизонте,—сказал Виктор Сугоняко.— Стало быть, партийной организации и мне, как парторгу, нужно обеспечить выполнение годового плана угледобычи и дальнейшее освоение машин, в частности угольного комбайна. Дело это вполне реальное. У меня лично есть одна мечта: поступить осенью на высшие инженерные курсы.

Мечта Виктора Сугоняко осуществится, как осуществляются планы и мечты советских людей.

А. ИОНОВ,
собственный корреспондент «Литературной газеты»

СТАЛИНО

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

ОБИНЯКОМ...

За благо критику считая,
В речах бывает он жесток.
Разоблачать любой порок —
Его обязанность святая!
Он любит нравы бичевать,
Людей фальшивых он ругает...
Но постоянно забывает
Их по фамилиям назвать!

Обходный путь ему знаком.
Отпор давая всем порокам,
Он имена обходит боком
И речь ведет о них намеком...
Обиняком... обиняком...

Он не охотник трогать лица.
Ведь можно критикой своей
Обидеть маленьких людей,
Больших заставить разозлиться.
Вносить раздоры — смысла нет,
И разве он имеет право,
Клеймя в лицо персону зава,
Ронять его авторитет?

Обходный путь ему знаком!
Отпор давая всем порокам,
Он имена обходит боком
И речь ведет о них намеком...
Обиняком... обиняком...

Он мыслит так: для простофилей
Не нужен перечень имен.
А кто догадлив и умен,
Поймет, в чем дело, — без фамилий!
Он бьет порок, принесший вред,
Стремясь для всех остаться другом.
Как личность, кто-то им обруган.
И все же — лично не задет.

Обходный путь ему знаком!
Отпор давая всем порокам,
Он имена обходит боком
И речь ведет о них намеком..
Обиняком... обиняком...

Ему сказали на собранье,
Что он **себя** назвать бы мог...
Но этот каверзный намек
Воспринят был с негодованьем.
Он, самокритику любя,
Порок бичуя и ругая,
Чужих имен не называет, —
Зачем же называть себя?

И что ж! При случае таком
Он дал отпор своим порокам,
Себя касаясь только боком...
И речь свою ведя намеком...
Обиняком... обиняком...

В белорусском издательстве

МИНСК. **(Наш корр.).** Государственное издательство Белоруссии в новом году значительно расширяет издание произведений классиков марксизма-ленинизма и художественной литературы на белорусском языке.

На белорусском языке выйдет много книг классиков русской литературы и современных русских писателей. Издаются «Мои университеты» М. Горького, «Севастопольские рассказы» Л. Толстого, «Сказки» М. Салтыкова-Щедрина, «Золото» Д. Мамина-Сибиряка, «Железный поток» А. Серафимовича, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Северная Аврора» Н. Никитина, «Югославская трагедия» О. Мальцева и другие.

Предусматривается издание тринадцати произведений белорусских писателей, девятнадцати сборников поэзии, выйдут книги о драматургии. Будут изданы 64 названия книг для детей.

ДЕТИ СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Елена КОНОНЕНКО

Не все еще знают о существовании города Жигулевска. Он появился там, где строится Куйбышевская гидроэлектростанция. Это — не поселок, а именно самый настоящий город. Здесь горком партии, горисполком, шесть школ, из которых три — десятилетки, гостиница, больница, детские сады, парк культуры и отдыха, магазины, автобусы и все прочее, что бывает в городе. А вокруг — Жигулевские горы, полные неописуемого очарования. И вы можете, если вам посчастливится, даже увидеть такую картину: на вершину выйдет лось, тревожно прислушается к шуму экскаваторов, бульдозеров, двадцатипятитонных грузовиков, и снова метнется в чащу кленов.

Я приехала в этот удивительный юный город, выросший там, где недавно жили только птицы и звери, с одной целью: побыть среди детей, послушать их, понаблюдать, чему они учатся, что умеют, о чем мечтают. Им жить завтра! Для них будет существовать все то, что сегодня создается, преобразуется, расцветает. Они вырастут и будут все это хранить, как зеницу ока, развивать, совершенствовать.

Понимают они это? Хорошо ли представляют, какими станут родные места и какими должны быть они сами?

Разговор шел со школьниками разных возрастов.

— Вот здесь строится Куйбышевская гидроэлектростанция, — сказала я. — Не расскажете ли вы мне, ребята, о ней? Какая она будет, зачем ее строят и как сейчас идут дела на стройке?

— Можем! — ответили дети.— Мы знаем все, с самого первого дня стройки.

И, перебивая друг друга, они принялись рассказывать.

— Мой отец работает на экскаваторе,— гордо сказал Борис Евец.

— А мой на земснаряде,— вторил ему Миша Сурнин.

— А мой на бетонном...

Дети очень хорошо знают, что строят, как строят, для чего строят. Многие из них были свидетелями самых первых шагов великой стройки, и героические дерзания строителей произвели на них впечатление, которое сохранится на долгие годы.

Юра Моисеенков рассказал, как самоотверженно работали отряды изыскателей — гидрологов, геотехников, геологов, геодезистов, буровых мастеров, которые прибыли по заданию правительства, по заданию товарища Сталина в Жигули и должны были сказать Родине, где быть створу — оси будущей гигантской плотины гидроэлектростанции. Разведка шла повсюду — у подножья гор, на воде, под водой.

— Это было очень трудно — бурить на воде, — рассказывал Юра, — то ветер бушует и качает плоты, то ливень, то стужа. А они работали... А потом, когда Волга замерзла, по льду пошли автомашины, тракторы. И прямо на льду появились буровые вышки и передвижные электростанции... А зима была холодная — жуть! И потом я еще хочу рассказать о том, как зимой, в морозы на Волге банкет делали... Ох, это было здорово! Банкет — это такой каменный барьер. Ну, вы понимаете, на дно Волги надо было сбросить десятки тысяч кубометров камня. И главное — все это успеть, пока лед не растает. Ночью на льду горели прожекторы. И какой бы ни был морозище — все равно работали. Во льду пробиты такие проруби, майны называются. И вот к ним подкатывали самосвалы и сбрасывали камень в воду, а вода так и бурлила — жуть! Мороз сильный, брызги даже замерзали. А камень брали в Могутовой горе... Там день и ночь взрывы. И когда мы занимались, у нас стены в классе прямо дрожали и окна звенели. И даже форточку вышибло. И потом еще надо было зимой до паводка проложить через Волгу трубы. Электросварщики работали на льду. Вдруг однажды оттепель, из проруби хлынула вода. Представляете, электросварщики работали, лежа наполовину в воде. А подо льдом — водолазы... Ох, водолазы, это такие смельчаки! Подо льдом темно, они прямо ползком пробирались по дну, обследовали места, где пройдут трубы...

— А для чего они?

— А как же? Чтобы могли действовать землесосные снаряды. Для намыва земляной перемычки.

Хорошо было глядеть на веселые лица детей, слушать их голоса, полные сил жизни: «Вот они — наследники наши...».

— А вы представляете, ребята, какими будут эти края, когда войдет в строй Куйбышевский гидроузел, а потом и Сталинградская ГЭС?..

И снова пошли рассказы. Старшие и младшие рассказывали по-разному, но было ясно: они все хорошо представляют себе. Засуха, суховеи, которые часто терзали Заволжье, будут не страшны. Станет много хлеба, мяса, овощей. Вырастут фруктовые сады. От села к селу — мачты высоковольтной линии, множество подстанций. На полях — электротракторы, электрокомбайны. Животноводческие фермы тоже будут механизированы. Автопоилки, электродойка, электрическая стрижка овец... И в каждом колхозном доме — электрический свет и радио. Весело будут жить люди! А Волга станет шире, исчезнут мели. Суда пойдут с очень сильными и быстроходными дизельмоторами...

До чего же они вкусно все это рассказывали!

— Вокруг каждого дома — яблони, груши, сливы и виноград даже! Прямо выйдешь — так и пахнет. Сколько хочешь, столько и ешь!

— А некоторые деревни будут стоять прямо у берега Куйбышевского моря. Например, Тимофеевка... Вышел из дому — купайся. Да?

— А у нас одна девочка жила там, где теперь будет море. Она говорит: я жила на дне моря.

Пионер Слава сказал:

— Если не будет дождя, то можно сделать, чтобы был дождь. Пригоняться будут тучи!

— Будем путешествовать на другие планеты! — пропищала откуда-то из-за спин маленькая девочка.

Видя, что юные мечтатели уже далеко в облаках, я снова вернула их на землю, где предстоит много серьезной работы.

— А ведь все это будет ваше, ребята!— сказала я. — Все то, о чем рассказывали.

И снова горячо заговорили все:

— Надо хорошо трудиться, все наблюдать, быть образованными.

— Все должны быть храбрыми и сильными. Трусов не будет.

— Мы должны научиться управлять электрическими машинами. Еще будут и мирные атомные машины. Но я еще хочу научиться снимать кинокартины.

Вот такие у нас шли разговоры...

* * *

И в первой и во второй десятилетках Жигулевска, где я была, школьники занимаются в разнообразных кружках: математическом, химическом, физическом, географическом, литературном, драматическом, хоровом. Многие из них хорошо плавают, гребут, играют в волейбол, стреляют. Старшеклассники второй школы — мотоциклисты, все до одного умеют водить машину. При первой школе хороший пришкольный участок, много юннатов.

Близость великой стройки коммунизма счастливо отразилась на жигулевских школьниках. Все тут рядом, на глазах: и трудности, и герои, и сложная техника. Многие из детей — сыновья и дочери этих героев. Школьник Борис Евец видит, знает, как необходимы его отцу — знатному экскаваторщику Михаилу Юрьевичу Евец — математические и технические знания. Он даже помогает отцу составлять чертежи и делать вычисления. Борис серьезно занимается в математическом кружке.

— Я тоже хочу работать на экскаваторе. Но отец мне сказал: уметь двигать рычагами—полдела, надо разбираться в технических расчетах. Только тогда можно перекрыть проектную мощность машины. Отец, например, сократил оборот ковша с 35 секунд до 25. Но ведь это еще не предел.

— Надо учиться изобретать,— добавил другой старшеклассник.— Ведь вот Борис Коваленко изменил конструкцию ковша. Нам тоже придется многое изменять.

И когда знакомишься с этими детьми и подростками, которые живут у великой **стройки коммунизма, особенно понимаешь** мудрость сталинских указаний, мудрость директив XIX съезда партии о политехнизации обучения в средней школе и острую необходимость скорее, как можно скорее выполнить эти указания, уничтожить нелепейший разрыв между теорией и практикой, между школой и жизнью.

Но вот какое дело. Чуть отъедешь от переднего края стройки, можно сказать, от самого котлована, и уже не так, как в Жигулевске. Дети-то такие же пытливые, охочие до всего нового, охваченные теми же патриотическими настроениями, но когда начинают мечтать вслух, больше говорят о ракетопланах, о путешествиях на Марс, о всякой научной фантастике.

По городу Куйбышеву расклеены яркие афиши:

«Пионеры и школьники! Куйбышевская городская станция юных техников производит прием в клуб юных астрономов...».

Вообще-то говоря, дело интересное, полезное. Но почему вдруг клубу юных астрономов такое предпочтение? Вот и второе объявление — о том, какие кружки имеются при станции юных техников. На самом почетном, первом месте — опять же астрономический. Внизу перечисления, что строят кружковцы. И снова на первом месте... телескопы. Никакого намека на электротехнику, энергетику, оросительную систему, на все то, чем дышит Куйбышев и к чему надо готовить детей области. К жизни на другой планете, что ли, готовит их станция юных техников? Я так и спросила, шутя, работников станции. Они смущенно улыбнулись.

Здесь, на этой станции, есть полезное. Например, «зал научных развлечений», где показывают детям занимательные опыты из различных разделов физики. Есть и кружок фотографический, и кружок морского моделирования, и другие интересные кружки. Астрономический кружок — это тоже, конечно, очень интересно и полезно. Но почему все-таки нет кружка электротехников? Именно этого-то и нет. Вот досада. А хотелось бы даже бо́льшего — познакомить детей и с ирригационным строительством, с оросительными станциями и каналами.

На областной станции юных натуралистов тоже работают несколько старомодно, да, именно старомодно. Нет того оживления мысли, которое, казалось бы, должно быть в связи со строительством Куйбышевской ГЭС. Нет тесной связи со школами, расположенными в зоне непосредственного влияния будущей ГЭС.

— А почему бы вам не взять несколько опорных школ именно там, где после пуска ГЭС будут орошаться земли, ну, допустим, школу села Ягодного... Можно бы уже сейчас завязать с ними переписку, послать семена новых культур. Вообще немного заглянуть в завтра и готовить к нему детей...

— Это интересно, — оживляются работники станции. — Мы об этом не думали. Еще не было инструкции. Мы подумаем!

А зачем ждать инструкции? Конечно, осуществление политехнического обучения и изменение внешкольной и внеклассной работы в связи с задачами политехнизации — дело серьезное, оно потребует и переработки программ и специальных инструкций. Но ведь многое сейчас уже можно делать, придумывать, изменять, улучшать. Не ждать, когда кто-то придумает и преподнесет, как наливное яблочко на серебряном блюдечке: «Вот вам политехнизация, дорогие воспитатели».

Время не ждет, товарищи! И стройки коммунизма растут очень быстро, и ребята наши растут. Им жить при коммунизме!

ЖИГУЛЕВСК

З. ПАПЕРНЫЙ

Трудное счастье

В статьях и рецензиях последних лет не раз встречалось такое определение: «производственный роман», «производственная» повесть, пьеса или поэма. Одни критики пользовались этим названием серьезно, как термином, который сам собой разумеется; другие произносили его с оттенком иронии.

Есть что-то ограничивающее в этом определении. Если считать его правомерным, то почему бы тогда не ввести термин «сельскохозяйственный» или «рыболовецкий» роман, а там того и гляди пойдет раскрепление пьес и романов по министерствам, по отраслям народного хозяйства.

Дело не просто в том, что выражение «производственный роман» неудачно. Если припомнить такие произведения последних лет, как «Стахановцы» П. Шебунина, «Металлисты» А. Былинова, «Горячий час» Ольги Зив, придется признать, что книги эти, разные, неравноценные, одни в большей степени, другие — в меньшей, все же содержали в себе такое одностороннее подчеркивание производственных проблем в ущерб изображению многосторонних интересов человеческой личности,— что это способствовало зачислению таких книг в разряд «производственных».

Ведь не случайно же, что никто не называл «производственным романом» книгу В. Ажаева «Далеко от Москвы», хотя строительство нефтепровода играет огромную роль в судьбах героев, в построении всего романа. Не называли так «Кружилиху» Веры Пановой.

И новое произведение Веры Кетлинской «Дни нашей жизни» не назовешь производственным романом. Не назовешь потому, что жизнь заводская не выглядит здесь обособленной, на первом плане здесь сами люди, их судьбы, жизнь, труд, быт, любовь, счастье. Это совсем не значит, что автор мало говорит о производстве; оно — в центре повествования. Однако, рассказывая о том, как на одном ленинградском заводе началась борьба за досрочный выпуск мощных паровых турбин, писательница раскрывает эту борьбу в столкновении живых человеческих характеров. «Дни нашей жизни» — правдивая, талантливая книга.

Мы знакомимся с героями книги в нелегкую для них минуту. Завод был сильно разрушен в годы войны. Об этом напоминают свежие светлые пятна кирпичной кладки на старых побуревших стенах, похожие на розовую кожу недавно зажившей раны.

Директор завода Немиров, пожалуй, не сомневается в успехе. Этот крутой, властный, жестковатый и вместе с тем веселый, обаятельный человек, с мальчишеских лет полюбивший производство, уверен в своих силах, в своем заводе, в своих людях...

Что-то в нем неуловимо напоминает Листопада, директора завода из романа «Кружилиха». Когда пытаешься разобраться в этом «что-то», на память приходят слова о Листопаде, которые мысленно произносит Нонна: «Он будет... опять хвастать своим заводом, своим главным конструктором, своей молодежью,— и все будут любить его...»

Есть у нас такие руководители: он предан делу, по-своему ценит подчиненных, заботится о них, но в душе считает их лишь исполнителями своей воли. И уверенность его в людях отдает самоуверенностью. А это мало надежное чувство. Такому руководителю кажется, что он хорошо знает своих работников. Но это не так. Называя их «мои люди», он уже тем самым в своих однобоких представлениях обедняет их, мысленно лишает их многого из того, что на самом деле им присуще,— и в первую очередь творческой инициативы.

Как живой, стоит перед нами Листопад с его неуемной энергией, веселой жаждой работы, с его «несчастной страстью» во все вмешиваться самому — стремлением, которое все чаще оборачивается тем, что он начинает делать все за других. В конце романа секретарь горкома говорит ему: «Это, конечно, очень эффектно, когда без директора станка не настроят; но объективно — опять-таки объективно — это выльется в зажим, подмену и прочее такое...»

Однако это предупреждение так и осталось предупреждением. Писательница скорее сказала о возможности конфликта между листопадовским руководством и новыми требованиями жизни, но самый этот конфликт так и не развернулся.

В романе «Дни нашей жизни» как бы продолжается, по-новому развивается конфликт, намеченный в «Кружилихе», подсказанный самой действительностью. Кажется, что Вера Кетлинская спорит со словами Нонны: Немиров, как и Листопад, любит похвастать своим заводом, но отношение к Немирову и со стороны автора и героев отнюдь не только мирное и доброе.

Когда завод получает обращение с краснознаменской стройки с просьбой ускорить выпуск турбин, Немиров с жаром берется за дело. Но он никак не может решиться ввести единый график выпуска всех четырех турбин, построенный не на достигнутых уже показателях, а на новых стахановских обязательствах. Так возникает трещина между директором и «его» заводом. Директор колеблется потому, что не видит огромных творческих возможностей, скрытых в рабочем коллективе, в отдельных людях, таких, например, как слесарь-изобретатель Саша Воловик, мешковатый и даже вялый на вид, внешне рассеянный, но внутренне сосредоточенный человек, ускоривший своим открытием на десятки часов рождение турбины. Немиров недолюбливает инженера Алексея Полозова, словно чувствуя в нем какое-то противодействие. Алексей требует, чтобы вместо авральной суетни («эй, турбинушка, ухнем!») был введен четкий график ускоренной работы по всем четырем турбинам.

Интересный разговор происходит у Немирова с женой Клавой. Она работает плановиком смежного завода. «Мы планируем неплохо, — признается она. — Даже хорошо. Но чистовик пишут все. Понимаешь? Весь завод. И чистовик намного лучше, интереснее, больше!». Эта мысль не доходит до его сознания, он хочет жить и работать так, чтобы все предусмотреть самому и не принимать потом от других никаких поправок; он не умеет трудиться в творческом «соавторстве» с коллективом.

Чем дальше развиваются события, споры, столкновения, тем яснее становится, что развернувшаяся энергия коллектива перерастает рамки немировского руководства, что директор все чаще вынужден лишь подтверждать то, к чему люди пришли сами. Особенно ясно ощущается это в сцене партийного собрания в турбинном цехе.

Мы знаем романы и пьесы, где тема партии сводилась к изображению одного партийного руководителя, который как бы представительствовал за партию. Писатель ограничивался одним «номенклатурным» образом, забывая, что партия — это не должностное лицо, но прежде всего коллектив единомышленников.

Глава о цеховом партийном собрании в романе «Дни нашей жизни», где сплоченная коллективная воля коммунистов отводит мало подходящую кандидатуру в партбюро цеха, которую рекомендует парторг завода Диденко, — одна из лучших. Рядовые члены партии убежденно отстаивают свои взгляды, свое мнение, свою кандидатуру на пост секретаря партбюро цеха. И когда сообщаются результаты голосования, читатель волнуется так, как будто и сам он — член парторганизации турбинного цеха. Узнав, например, что за инженера Полозова голосовало сто три коммуниста, он мысленно отдает свой, читательский, сто четвертый голос. Автор хорошо раскрыл черты характера Полозова — смелость, обаятельно сочетающуюся с угловатой застенчивостью, большое человеческое достоинство и убежденность в том, что раз он прав — ему нечего и некого бояться.

Образы рядовых коммунистов — изобретателя Воловика, инженера Полозова, нового парторга цеха Якова Воробьева — не просто отдельные удачи писателя. Тесно связанные между собой, они несут в себе волю и силу партийного коллектива.

Очень тонко показывает Вера Кетлинская, как, сидя на этом бурном собрании, слушая прямые и взволнованные речи коммунистов о том, что мешает выполнить краснознаменский заказ, Немиров чувствует: он оторвался от «своих» людей.

Автор не упрощает конфликт. Образ Немирова меньше всего может быть назван очередной вариацией образа «директора-консерватора», который неожиданно для всех окружающих и для самого себя вдруг ополчался против новаторов, потом мгновенно перерождался, благодарил за критику, бодро бил себя в грудь и тут же, не сходя с места, перевыполнял план. В конце романа перед нами не перековавшийся за сутки директор, а тот же Немиров, который во многом остается самим собой: он до сих пор чуть обижен, еще ершится. И вместе с тем это уже не прежний самоуверенный «хозяин завода», а многое понявший, многому научившийся руководитель. В начале романа он казался бодрым, жизнерадостным, но только теперь пришло к нему настоящее, выстраданное счастье — жить и работать не «над» а вместе с коллективом.

Концовка романа (хотя автор, к сожалению, не обошелся без традиционного стола, за которым собираются все герои) не похожа на обязательно благополучную развязку под занавес, когда все трудности позади, все узлы развязаны, и читатель больше не беспокоится за героев, а зритель, если это пьеса, спокойно направляется в гардероб. Такого рода благополучные концовки связаны с идиллическим представлением о счастье, как о чем-то безмятежном, беспокойном, достигнутом раз и навсегда.

И не случайно героиня книги Аня говорит своему другу Алексею Полозову: «Счастье не было бы счастьем, если бы стоило протянуть руку — и вот оно... Достичь — и увидеть впереди новую цель».

Роман «Дни нашей жизни» посвящен заводу. Но это не только «дни заводской жизни».

В нашей печати справедливо критиковали произведения, где человек изображался односторонне, как «производственная единица». Дело, конечно, не в том, чтобы изображение труда просто дополнить картинами досуга, семейной жизни и т. д., не в том, чтобы к «производственной единице» прибавить «веселящую единицу». Речь идет о раскрытии всего многообразия и богатства духовной жизни нашего человека.

Вспомним роман Ольги Зив «Горячий час». В чем беда одного из главных образов книги, парторга Озерова? Не в том вовсе, что у Озерова неудачно сложилась личная жизнь, а в том, что вся его жизнь аккуратно разделена на две половинки; главы об Озерове-парторге и Озерове-муже, кажется, никакого отношения друг к другу не имеют. Иногда у читателя словно «двоится» в глазах — будто это не один, а два героя: первый — деловой, активный, напористый и т. д., второй — какой-то резонер и неудачник. И не случайно О. Зив так и пишет: «Парторг Озеров беспощадно и страстно судил Озерова-человека».

Заслуга В. Кетлинской в том, что она не делит своих героев по строго разграниченным полочкам. В романе «Дни нашей жизни» семейно-бытовые сцены выступают не как вставные эпизоды: они неразрывно связаны с главной темой книги — темой настоящего, трудного счастья.

Мы наблюдаем труд Немирова на заводе, его жизнь дома, и нам в голову не придет сказать: вот это Немиров-директор, а это Немиров-человек. **Один и тот же** сложный и интересный характер по-разному раскрывается в разных обстоятельствах.

Жена Немирова Клава—скромный, сдержанный, внешне замкнутый и немногословный человек, но она по-настоящему близка ему, любит его, внимательно, чуть даже по-матерински, следит за ним, готовая притти на помощь, подсказать верное решение. А он и здесь остается Немировым — ему льстит поза сильного, уверенного человека, который не ошибается, а если и ошибается, сам все выправит. Он и здесь хочет, чтобы в его «беловик» не вносили поправок. После заводского собрания, где коммунисты резко критиковали его, Немирова, руководство, он на вопрос жены — что слышно на заводе? — отвечает, притворно позевывая: «У меня? Все в порядке».

Так наступают отчуждение, разлад. И чем сильнее страдает от этого Немиров, тем глубже начинает он понимать, что счастье, которое никому не дается в одиночку, невозможно без правды в человеческих отношениях, какой бы горькой и жесткой она ни была; начинает понимать что счастье и поза — вещи несовместные.

Нет, Немирова никак не разделить на «директора» и на «человека». Не зная его «домашней жизни», во многом не полно будешь представлять себе его облик.

Рассказывая о личных семейных историях отдельных героев, об их увлечениях, радостях, ошибках, разрывах, автор все время наталкивает читателя на мысль о том, что человек сам строит свое счастье.

Работница Груня Клементьева потеряла в войну мужа и осталась с дочкой Галочкой да со свекром, строго и ревниво следящим за ней. Потом полюбила Якова Воробьева и встречается с ним тайком, жадно хватая горькие куски счастья, которое кажется ей краденым. Но вот они поженились, а полного счастья еще нет. Дома Воробьев встречает девочку, еще чужую, — она должна стать ему дочкой, но пока совсем не рада происшедшей перемене. В руках у Груни и Якова как бы только еще ростки счастья,

---

Вера Кетлинская. Дни нашей жизни. Роман. «Знамя». 1952 г. №№ 7—10.

ПО НЕКРАСОВСКИМ МЕСТАМ

8 января исполняется 75 лет со дня смерти великого русского поэта-демократа Н. А. Некрасова. Фотокорреспондент «Литературной газеты» заснял места, связанные с жизнью и деятельностью поэта. На первом снимке: внешний вид петербургского дома, в котором поэт прожил двадцать лет (1857—1877). Здесь он редактировал журналы «Современник» и «Отечественные записки». Сейчас в этом здании помещается Государственный мемориальный музей Н. А. Некрасова. На втором снимке: вид из окна столовой поэта на парадный подъезд дома, где проживал министр государственных имуществ. Из окна поэт наблюдал сцену разгона просителей-крестьян, которых не допускали к «владельцу роскошных палат». Эта сцена подсказала поэту тему стихотворения «Размышления у парадного подъезда». На третьем снимке: экскурсанты в литературном отделе Ярославского мемориального музея Н. А. Некрасова (село Карабиха). На четвертом снимке: памятник Н. А. Некрасову, установленный в 1950 году в районном центре Некрасовское (бывшее село Большие Соли) Ярославской области (снимок сделан в сентябре 1952 г.).

Фото М. АЛЬПЕРТА









О памятнике Н. А. Некрасову

Прошло уже шесть лет с того времени, как правительство вынесло постановление воздвигнуть Некрасову памятники: один — в Ленинграде, другой — в Ярославле.

Но памятников нет до сих пор, и неизвестно, когда они будут: скульпторы все еще не представили такого проекта, который достойно увековечил бы образ великого писателя нашей страны.

В 1950 году Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР проводил закрытый конкурс на проектирование памятника Н. А. Некрасову для г. Ярославля. В конкурсе приняли участие московские скульпторы Г. Мотовилов, Н. Никогосян и другие.

Некоторые проекты я видел. Они были выставлены позапрошлой зимой. Было невозможно понять, почему даровитые скульпторы, словно сговорившись друг с другом, решили представить певца свободы в виде хилого скорбного старца.

Правда, у Некрасова есть немало печальных стихов, посвященных страданиям народа, но ведь нынче даже школьникам известно, что печаль никогда не была у Некрасова пассивной и немощной, а всегда сочеталась с проклятиями ненавистному строю, с призывом к революционной борьбе.

Муза Некрасова уже в его ранних стихах

Кричала: «мщение!» — и буйным языком
На головы врагов звала господень гром!

Недаром он назвал ее «Музою мести и печали»! Недаром восклицал, обращаясь к молодым поколениям:

Трус,— кто сторицей не мстит!

«И клятвы мести грозно повторял». Беспощадная расправа с врагами народа — к этому он звал всю жизнь, а его изображают безропотным плакальщиком, кротко скорбящим над «народными бедствиями».

Напрасно я вглядывался в этих понуренных старцев, которые так жалостно смотрели на меня со своих пьедесталов: ни у одного из них я не мог прочитать на лице тех зажигательных слов, которыми Некрасов поднимал молодежь на кровавую борьбу с угнетателями:

...дело прочно,
Когда под ним струится кровь...

Скульпторы почему-то не захотели понять, что хотя Некрасов глубоко страдал от зрелища бедствий народных, он был поэт-оптимист, ни разу не усомнившийся в счастливой судьбе, которую рано или поздно завоюет себе русский народ.

Самые бодрящие, самые радостные стихотворения о русском народе созданы именно им, и как мажорно звучат, например, его знаменитые строки о растущей армии бойцов революции:

Рать подымается —
Неисчислимая,
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Вера в эту несокрушимую силу была для него постоянным источником радости. В самую черную эпоху реакции, когда многим казалось, что правительство Александра II задушило в зачатке все завоевания революционного лагеря, Некрасов через голову цензуры воскликнул, обращаясь к передовой молодежи:

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
. . . .
Вынесет всё—и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.

Все это азбука, известная каждому, но скульпторы пренебрегли этой азбукой.

При первом же взгляде на представленные ими проекты видно, что все они в своей работе над некрасовским памятником руководились известным портретом И. Крамского, где Некрасов действительно представлен печальным и немощным. Но нужно же принять во внимание дату портрета: 1877 — год мучительной предсмертной болезни Некрасова.

Правда, Крамской писал этот портрет не с натуры, однако в портрете не мог не отразиться тот облик поэта, каким его видел художник в последние дни его жизни. Но разве на смертном одре создавались Некрасовым «Коробейники», «Железная дорога», «Мороз, Красный нос», «Сельская ярмонка» и другие стихи, такие мускулистые, крепкие, пышащие здоровьем и силой, ознаменовавшие собою весь его творческий путь? Нет, все это стихи шестидесятых годов, и, конечно, именно эту эпоху нужно запечатлеть в памятнике — она наиболее типична для его биографии.

Покойный скульптор Н. Андреев был очень сильный талант, но изваянный им для московского памятника больной и смертельно тоскующий Гоголь, конечно, не мог бы создать ни «Мертвых душ», ни «Ревизора», ни «Игроков», ни «Коляску».

Это был Гоголь, который уже не творил, а сжигал свои книги.

От скульпторов не отстают и художники. Еще недавно я видел такие издания «Войны и мира», к коим приложен портрет сгорбленного, седобородого, восьмидесятилетнего автора, портрет, написанный лет через сорок после того, как был закончен роман, создававшийся в самую цветущую пору творчества и жизни Льва Толстого.

Союз писателей, при котором организована специальная комиссия по чествованию Н. А. Некрасова в связи с 75-летием со дня его смерти, должен активизировать деятельность скульпторов, работающих над созданием памятника великому народному поэту, и направить ее в надлежащее русло.

Корней ЧУКОВСКИЙ

ДЕЛЕГАЦИЯ ПОЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ВЫЕХАЛА НА РОДИНУ

Гостившая в нашей стране в течение месяца делегация польских писателей выехала на родину. Гости поделились своими впечатлениями на пресс-конференции, которая состоялась в прошлую субботу в Союзе советских писателей СССР. Перед отъездом в Польшу глава делегации, генеральный секретарь Союза польских писателей Ежи Путрамент заявил корреспонденту «Литературной газеты»:

— Не впервые польские писатели приезжают в Советский Союз. Некоторые члены нашей делегации уже несколько раз бывали в СССР. И каждый раз мы вновь открываем для себя новую страну. Не только потому, что каждый раз мы видим новые промышленные предприятия, новые кварталы жилых зданий, новые постановки в театрах, новые экспонаты в музеях и неуклонно повышающийся жизненный уровень советского человека. Мы открываем для себя новую страну потому, что все глубже познаем жизнь, труд, характер советского человека— строителя новой жизни. Для нас, писателей, это особенно важно. Ведь сегодняшний день Советского Союза — это наш завтрашний день. Путь, пройденный советским народом, пройдет и польский народ, чтобы достигнуть того, чего достигли вы. Мы, писатели, как бы заглядываем в наше будущее, видим перед собой то главное направление, по которому будет развиваться современная польская литература, направление, по которому пойдут герои наших будущих произведений: рабочие, крестьяне, интеллигенты — строители социалистической Польши.

Вот почему, приехав в СССР, мы старались как можно глубже изучать жизнь.

Совершая поездку по стране, мы особенно интересовались вопросами культуры. В этой области прежде всего бросились в глаза колоссальный расцвет национальной культуры, огромная тяга народа к повышению знаний, любовь к театру, интерес к книге.

Очень ценным был для нас деловой контакт с секретариатом Союза советских писателей. Мы ознакомились со структурой писательской организации, методами ее работы, основными идеологическими проблемами, стоящими в центре внимания советских литераторов. Мы убедились, что в писательской среде царит атмосфера откровенного и принципиального обмена мнениями. Неустанные творческие поиски новых путей развития литературы, стремление не отставать от грандиозного размаха строительства делают писателей активнейшими участниками общественной жизни государства.

Ценно и важно было для нас узнать, что в научных учреждениях большие группы ученых изучают вопросы польской культуры. Этот факт служит нам еще одним убедительным доказательством постоянно растущей идейной и культурной связи между советским и польским народами.

— Мы возвращаемся в Польшу, — сказал в заключение Ежи Путрамент, — обогащенные новыми наблюдениями, ценным опытом, который постараемся передать польской общественности. Мы глубоко уверены в том, что наша поездка в Советский Союз послужит дальнейшему укреплению дружбы между нашими народами.

В КИНОДЖУНГЛЯХ БРОДВЕЯ

ПИСЬМО ИЗ НЬЮ-ЙОРКА

Когда вечером идешь по Бродвею между 30-й и 50-й улицами, невольно создается впечатление, что невзначай попал в район бандитских притонов, домов терпимости или других заведений нью-йоркского «дна». На самом деле мы — на улице театров и кино. Под разноцветными беснующимися огнями рекламы — пестро размалеванные лица гангстеров, стреляющих из пистолетов, отталкивающие сцены убийств, истязаний. Тут же, на рекламных щитах, в изобилии представлена ничем не замаскированная порнография. А вот и кадры кинохроники — с Макартуром, Риджуэем, Ван Флитом и другими «золотыми галунами» нынешней Америки. Эти кадры соседствуют с изображениями Гитлера, Муссолини, Роммеля, фон Папена...

Бродвей — одно из первых мест, где голливудская продукция проходит своеобразную проверку и откуда она затем расползается по другим городам США и идет на «экспорт». Поэтому экраны Бродвея — это зеркало, в котором отражается звериный оскал американского империализма с его преступными планами новой войны. Сотни кинокартин, выпускаемых Голливудом ежегодно, призваны парализовать волю американского народа перед наступающим фашизмом, духовно разложить и опустошить подрастающее поколение, воспитать американцев в духе жестокости и насилия, привить им звериные инстинкты.

Заправилы Уолл-стрита, хозяйничающие в Голливуде, насаждают там угодные им фашистские порядки. Семьи трех миллиардеров — Моргана, Рокфеллера и Меллона — контролируют пять крупнейших кинокомпаний: «Метро—Голдвин—Мейер», «РКО», «Уорнер бразерс», «Парамоунт» и «Твентис сенчури-Фокс», производящих и распространяющих внутри страны и за границей практически всю кинопродукцию Голливуда. Президенты и вице-президенты компаний, входящих в эту пятерку, являются одновременно президентами и директорами крупнейших американских банков и корпораций.

Начиная с 1947 года. Голливудом пристально «занимается» комиссия палаты представителей США по расследованию «антиамериканской деятельности», преследующая тех сценаристов, артистов и режиссеров, которые выступают против политики фашизма и войны, проводимой правящими кругами. Обозреватель газеты «Нью-Йорк пост» Лернер в серии обзоров о положении в Голливуде не так давно писал следующее: «Честность, как качество, трудно найти в Голливуде, где существование черного списка — реальность, где многие люди стремятся замкнуться и где человеческие существа живут подобно насмерть перепуганным животным в джунглях ужаса».

В Голливуде процветает и получает поддержку профашистский «Союз за сохранение американских идеалов», в который входят представители кинокомпаний и полтора-два десятка «проверенных» кинозвезд. Члены этого черносотенного «союза» активно помогают комиссии по расследованию «антиамериканской деятельности», шпионя и донося на своих сослуживцев. Совсем недавно фашиствующий Американский легион предложил владельцам киностудий уволить 300 «нелойяльных» — по его мнению — артистов и других работников Голливуда. Владельцы кинокомпаний рьяно взялись за дело, создав свои собственные «группы расследования». А другая профашистская организация — «Ветераны иностранных войн» — потребовала, чтобы все кинокомпании уволили артистов, отказывающихся «сотрудничать» с комиссией по расследованию «антиамериканской деятельности», или, говоря иными словами, не желающих стать шпионами гуверовской охранки ФБР.

В упомянутой нами серии обзоров о положении в Голливуде автор вынужден был признать, что среди местных артистов и режиссеров процветают «употребление наркотиков, жестокие драки из-за женщин, пьянки, самоубийства, разводы», что они «живут в атмосфере сексуализма» и что торговля своим телом является для начинающей артистки обязательным «началом на дороге к успеху».

Обстановка, создавшаяся ныне в Голливуде, несомненно, находит отражение на экранах Бродвея. Вот, например, некоторые голливудские «новинки», которые мне довелось просмотреть за последнее время.

Фасад кинотеатра на Бродвее, где демонстрируется фильм «Только для мужчин», как заплатками, облеплен откровенно порнографической рекламой. Даже по выставленным тут кадрам видно, что тема фильма — воспевание похоти, кошмаров, убийства и садизма, а его «герои» — это душевно опустошенные люди, психопаты. Хотя авторы фильма и заверяют, что они будто бы «осуждают» садизм, однако в действительности, как признавала газета «Нью-Йорк уорлд телеграм энд Сан», «на протяжении полутора часов на экране демонстрируются драки, убийства, автомобильные катастрофы и аналогичные этим жестокие сцены. Дух садизма пронизывает всю картину»...

А вот фильм «Секрет обреченного озера», выпущенный компанией «Твентис сенчури-Фокс». Те же изощренные убийства, обилие крови и кошмарных сцен... Ужасы, происходящие на экране, дополняются изматывающей нервы музыкой. Сама кинокомпания на страницах журнала «Филм сенс» разрекламировала фильм в следующих откровенных выражениях: «Три любовные истории, убийца, пять убийств, ужасная драма, состояние крайнего напряжения — все это вместе взятое делает кинокартину «Секрет обреченного озера» компании «Твентис сенчури-Фокс» одной из самых лучших, которая когда-либо выпускалась Голливудом в течение длительного времени»...

Почти такой же характер носит кинокартина под названием «Странная дверь», которую нью-йоркская газета «Дейли миррор» расценивает как «шедевр террора». От предыдущего фильма она отличается разве только тем, что в ней показано множество всяких чудовищных приспособлений, инструментов и машин для пыток.

Особое одобрение завсегдатаев бродвейских кинотеатров получила картина «Странная женщина». Ради обогащения можно и нужно пользоваться всеми средствами, как бы омерзительны они ни были,— такова, с позволения сказать, мораль этого фильма.

Особенно острое чувство возмущения охватывает, когда видишь на экране исковерканные донельзя произведения писателей-классиков. Произведения, полные глубокого социального смысла, предстают в совершенно неузнаваемом виде, напоминая стандартную «работу» голливудских кинодельцов — дешевенькие любовно-детективные истории или гангстерские боевики. Так, например, поступила компания «Парамоунт» с романом Теодора Драйзера «Американская трагедия», поставив по нему фильм «Место под солнцем».

При жизни Драйзера эта компания неоднократно пыталась получить у него разрешение на постановку фильма по его роману. Драйзер отказал наотрез, ответив компании, что она представит его главного героя Клайда в виде «голодающего по женской юбке бесшабашного ковбоя». Так оно и вышло. Грубо попирая волю Драйзера, компания «Парамоунт» выпустила фильм, в котором «герлс» в купальных костюмах полностью заслоняют собой трагедию простого человека в Америке. Таким же образом эта компания поступила с другим известным романом Драйзера — «Сестра Кэрри», поставив по нему одноименный фильм, в котором гневный протест против социальной несправедливости в Америке подменен банальной любовной историей.

Подготовка войны, разжигание военной истерии стали постоянной и главной темой Голливуда, в особенности после начала американской интервенции в Корее. Милитаристские картины, воспевающие казарму, муштру, военный бандитизм, выходят на экран нескончаемым потоком. На экранах кинотеатров Нью-Йорка и других американских городов демонстрируются хроникальные фильмы о действиях американской армии в Корее. Мне довелось посетить ряд таких кинотеатров и, в частности, кинотеатр «Ньюсрил», находящийся в нью-йоркском квартале, именуемом «Рокфеллеровским центром».

На экране перед нами предстали жуткие сцены массовых убийств мирного населения Кореи— стариков, женщин и детей. С циничной откровенностью изображались бомбардировки авиацией США мирных городов, сел, деревень; земля, покрытая трупами людей; море огня, дыма и крови... А голос диктора слово в слово повторял призывы Геббельса во время второй мировой войны: «Убивайте! Убивайте столько, сколько можете убить!» И вся эта дикая оргия сопровождалась музыкой, весьма напоминающей гитлеровские марши...

Фильмы, предназначенные для раздувания военного психоза в стране, проходят особую цензуру со стороны дельцов Уолл-стрита и правительства США. Вот один из таких фильмов — «Объект: США», специально выпущенный для показа рабочим на заводах. На экране показывается атомная «бомбежка» Нью-Йорка, сопровождаемая комментариями матерого поджигателя войны, военного обозревателя газеты «Нью-Йорк таймс» Хэнсона Болдуина. Подобные фильмы регулярно демонстрируются также перед школьниками и студентами.

Не так давно в одном из кинотеатров Бродвея мы просмотрели фильм о войне в Корее под названием «Примкнутые штыки». На экране опять кровь, предсмертные вопли, оторванные головы и руки... А незадолго до известных событий на острове Кочжедо, где американская военщина учинила жестокую расправу над северокорейскими и китайскими военнопленными, на экранах Бродвея появился фильм «Стальной шлем», разрекламированный выпустившей его кинокомпанией так: «Впервые в американской кинокартине показывается убийство военнопленного американскими солдатами». По ходу фильма убийство военнопленного остается безнаказанным. Видимо, фильм «Стальной шлем» был призван подготовить общественное мнение США к запланированной в то время Пентагоном расправе над военнопленными на острове Кочжедо.

Вот какие фильмы показывают в киноджунглях Бродвея.

Голливуд живо и «оперативно» откликнулся также на политику американских поджигателей войны, восстанавливающих гитлеровскую военную машину. Ремилитаризации Западной Германии посвящена серия документальных фильмов. А в таких, например, «художественных» фильмах, как «Магическое лицо», восхваляется генералитет немецко-фашистской армии и делается попытка реабилитировать Гитлера в глазах американцев, многие из которых участвовали в войне с фашистской Германией. В фильме «Пять пальцев» восхваляется гитлеровский военный преступник фон Папен.

Американский народ все активней высказывает свое отвращение к голливудской отраве. Так, в результате массовых протестов зрителей фильм «Лиса пустыни», воспевающий гитлеровского генерала, военного преступника Роммеля, сделанный компанией «Твентис сенчури-Фокс» по заказу госдепартамента и при помощи командования американских оккупационных войск в Западной Германии, постигла бесславная участь — он был фактически подвергнут бойкоту. В Нью-Йорке у многих кинотеатров возникали демонстрации протеста против этого фильма.

Мы были очевидцами одной такой демонстрации у кинотеатра «Аполло», расположенного в восточной части Манхэттена, на 126-й улице. Собравшиеся по призыву нью-йоркского «Местного комитета борьбы против показа нацистских фильмов» сотни мужчин и женщин заполнили близлежащие улицы, никого не пропуская к кинотеатру. Они остановили движение транспорта в этой части города. Среди демонстрантов было много молодежи и ветеранов второй мировой войны. Площадь перед кинотеатром и близлежащие улицы пестрели лозунгами и плакатами: «Вон фашистов из Америки!» «Немедленно убирайте вашего Роммеля с экрана!» «Это — фашистский фильм! Он превозносит нацистских убийц!»

Полицейские учинили расправу над демонстрантами, избивая людей резиновыми дубинками. Несколько человек были арестованы и отданы под суд за... «нарушение порядка». Тем не менее сломить сопротивление демонстрантов не удалось, и кинотеатр «Аполло» снял с экрана фильм «Лиса пустыни». Под давлением широкой общественности точно так же были вынуждены поступить и владельцы других кинотеатров Нью-Йорка. Дело дошло до того, что даже такая крупнейшая компания, как «Уорнер бразерс», выпускающая фильмы и владеющая десятками кинотеатров в стране, прекратила показ фильма о Роммеле, как только начались демонстрации протеста.

Столь неожиданную «уступчивость» киноделъцов легко объяснить: кинотеатры, где демонстрировался фильм «Лиса пустыни», пустовали. Как сообщала газета «Нью-Йорк таймс», сославшись на представителя компании «Парамоунт», посещаемость во всех американских кинотеатрах сократилась в те дни на 25 процентов.

Отказываясь смотреть голливудскую киноотраву, американский народ протестует против преступных планов новой войны, замышляемой магнатами Уолл-стрита.

НЬЮ-ЙОРК

А. ЛАВРЕНЕВ

которые надо долго и бережно выхаживать.

Мы читаем в романе и печальные истории о неполучившемся счастье, о ростках, которые перестали развиваться, увяли и погибли. Работница Антонина Сергеевна Пакулина никогда не забудет последних минут на перроне перед эвакуацией, мужа, невнятно повторяющего: «Детей сбереги, Тоня... Детей», длинные письма к нему в Ленинград, его скупые, редкие ответы, а потом возвращение домой и чужую женщину, ворвавшуюся с криком: «А мне куда ребенка девать? Душу свою куда девать?!»

Говоря о семье Пакулиных, писательница судит отца, который захотел построить свое счастье, да не получилось: на чужой беде, на чужих слезах счастья не будет. И приходит он, бывший глава семьи, как бедный родственник, даже не родственник, а чужой человек, хочет взглянуть на своих мальчиков, а они встречают его настороженными взглядами. Но и Антонину Сергеевну тоже судит писательница— сперва была мужу другом, помощником, а потом незаметно отошла от его интересов, стала домашней хозяйкой: готовила, шила, стирала, а большая жизнь прошла стороной. Поняла она, что не так бы ей жить, не там искала счастья, да поздно. Автор вовсе не хочет разжалобить читателя: вот, мол, какая несчастная судьба. Не жалость хочет он пробудить, а чувство ответственности человека за свою судьбу, за свою семью, за свое счастье.

Строже всего писательница судит легковесных людей, для которых вся радость жизни в том, чтобы получать, ничего не давая, таких, как Виктор Гаршин, который всюду ищет «путь, чтобы протоптанней и легче». Это своего рода человек-пробка, в любой ситуации он стремится всплыть на поверхность, удержаться любыми средствами. И, рисуя этот образ, автор как бы хочет сказать читателю: не обольщайтесь такими людьми, не верьте их холодной, наигранной, пошлой веселости.

Иногда бывает так: изображает писатель отрицательного героя. Тот еще, что называется, рот раскрыть не успел, а уж все кругом дружно кричат, что он чужой человек. Но ведь в действительности все так просто не бывает, и у самого отрицательного человека на лбу ничего не написано. Это ведь не музей и не выставка, где против каждого экспоната имеется краткая табличка. Вера Кетлинская не торопится с первых же страниц заклеймить Гаршина публичным позором. Каждого героя она сталкивает с ним, заставляет по-своему пережить эту встречу и на личном опыте убедиться, что это действительно пустой и жалкий человек. Он стремится стать соавтором изобретателя Воловика, ухаживает за Аней, потом за женой Немирова Клавой, пробует уговорить профессора помочь ему устроиться в аспирантуру, пытается толкнуть Полозова на путь обмана, и всюду он терпит поражения, среда честных людей словно выталкивает его.

Ясность моральных оценок ничего общего не имеет с механическим делением на положительных и отрицательных героев.

В. Кетлинская вовсе не старается, чтобы ее положительные герои были с первой до последней страницы приятными, симпатичными, безотказно обаятельными. В жизни ты и на самого близкого друга рассердишься, повздоришь с ним, иной раз почти совсем разругаешься, а дружба не пропадает. Так почему же в литературе должны быть идиллическими отношения между читателем и героем? Ведь это же не покупатель и продавец, которые обязательно должны быть «взаимно вежливы».

Но иногда писательница изменяет себе и задается целью во что бы то ни стало покорить сердце читателя душевной красотой героя. И не достигает удачи. Большое место в романе занимает образ Ани Карцевой. Вначале мы следим за ней с большой симпатией и интересом. Мысли Ани, ее робость и волнение в кабинете Немирова, первое знакомство с заводом — все это описано живо, просто и точно. Но затем образ начинает бледнеть, растворяться, и живой голос героини заглушается дикторски суховатым голосом автора.

Отчасти это связано с тем, что образ этот во многом используется автором как «служебный»: завод, цех, отдельные люди описываются такими, какими предстали перед героиней; писательница как бы смотрит ее глазами. И образ получается каким-то «прозрачным», сквозь него как бы проступают картины заводской жизни, а сам он все меньше обращает на себя внимание.

Как и другие герои романа, Аня много думает, мечтает, спорит о счастье. Ее идеал — счастье, которое берется с бою, завоевывается, как победа. Так почему же труд самой Ани выглядит таким облегченным? Рассказав о том, как она сразу объединила вокруг технического кабинета десятки разных людей, превратила его в «штаб энтузиастов», автор добавляет: «Это вышло само собой». Однако само собой ничего не делается, и схема остается схемой.

В других случаях автор романа, подкупающего своею суровой трезвостью, стремлением к жизненной правде, вдруг отдает дань сентиментальности. Некоторые сцены, посвященные роману Ани и Алексея Полозова, отдают той умиленностью, которая, как известно, всегда настораживает читателя, мешает ему по-настоящему порадоваться счастью героев. Писательница начинает умиляться всем—и неуютностью комнаты Полозова, и неуклюжестью, неловкой суетливостью, с какой он встречает Аню, даже крошкой на губе. И хотя герои счастливы, и автор на них не нарадуется, но читатель все-таки по-настоящему этой радости не разделяет.

Рассудочный схематизм и сентиментальность — вещи, казалось бы, противоположные. А между тем, как крайности, они нередко сходятся. Ведь не случайно сентиментальные фразы чаще всего состоят из общих, избитых слов. Сентиментальность рождается там, где писатель отрывается от живого индивидуального характера, где чувство нежности, любви становится не предметом изображения, а предметом любования. Такой «отрыв» от человека характерен и для рассудочного схематизма. Вот почему соседствуют эти крайности.

В романе много действующих лиц. Пожалуй, даже слишком много. И некоторые из них скорее действующие фамилии, а не лица. Это — инженер Алексеев, конструктор Котельников, плановик Каширин, комсорг Ксана, Женя Никитин. Вера Кетлинская стремится к подробности и обстоятельности повествования. Если директор отправляется на завод, автор считает своим долгом представить читателю каждого, кто повстречается на пути. Однако такая обстоятельность, когда она не оправдана, вредит художественному произведению, которое немыслимо без самого строгого отбора фактов, событий, персонажей. Литературное творчество — всегда «сотворчество», в котором читатель является активным участником. И мысленно желаешь писательнице больше доверять активному творческому мышлению читателя. Если дальнейшая работа над романом будет «стоить жизни» некоторым второстепенным героям, для книги это будет только лучше, потому что герои эти и сейчас не живут. Маяковский хорошо сказал однажды: то, что не помогает в произведении, — мешает.

Новые книги

Абатуров К. Молодость. Сборник очерков. Костромское областное государственное издательство. 116 стр. 3 р. 35 к.

Абрамова А. и **Рошаль Г.** Римский-Корсаков. Киносценарий. Госкиноиздат. 99 стр. 2 р. 50 к.

Баныкин В. Фомичевы. Роман. Куйбышевское областное государственное издательство. 240 стр. 4 р. 85 к.

Жемайте. Рассказы. Перевод с литовского Ф. Шуравина. Гослитиздат. 176 стр. 1 р. 75 к.

Камал Ш. Чайки. Повесть. Перевод с татарского И. Заботина. Казань. Татгосиздат. 48 стр. 60 к.

Коничев К. В девятьсот пятом. Повесть. Архангельское областное государственное издательство. 124 стр. 3 р. 60 к.

Коновалов Г. Рассказы. Издательство «Ульяновская правда». 183 стр. 3 р. 85 к.

Повесть о прихожении Стефана Батория на град Псков. Издательство Академии наук СССР. 135 стр. 5 р.

Пришвин А. Солнечная зима. Повести. «Советский писатель». 260 стр. 4 р. 75 к.

Путинцев В. Герцен-писатель. Издательство Академии наук СССР. 239 стр. 8 р. 20 к.

Роллан Р. Кола Брюньон. (Жив курилка). Перевод с французского М. Лозинского. Гослитиздат. 204 стр. 4 р. 80 к.

Скляренко С. Карпаты. Роман. Авторизованный перевод с украинского Б. Турганова. Киев. «Радянський письменник». 451 стр. 8 р. 50 к.

А. КОРНЕЙЧУК

ПУТЬ, ВЕДУЩИЙ К МИРУ

Дорогие друзья мира! Позвольте мне от имени советских сторонников мира, а это значит от всего великого советского народа, сердечно приветствовать вас, делегаты и гости, и выразить наши горячие чувства дружбы и глубокого уважения ко всем народам, которые вы представляете на этом великом Конгрессе в защиту мира.

Жолио-Кюри в статье «Наша общая цель» перед Конгрессом высказал замечательную мысль: «Важно, чтобы возможно больше представителей всех народов мира приняли участие в Конгрессе и высказали свои мысли с полной искренностью, ибо пора кончать с этими войнами, с этой холодной войной, которая при помощи клеветы создает благоприятные условия для развертывания ужасного мирового конфликта».

Во имя этой благородной цели призывает нас Жолио-Кюри, чтобы мы с предельной искренностью, независимо от наших политических взглядов, убеждений и верований, соединили свои усилия в великом деле борьбы за мир во всем мире, за мирное сотрудничество и добрую волю между народами.

Мне кажется, что нельзя успешно бороться с так называемой холодной войной, не уяснив, какие факторы ее породили, кто уничтожает дух сотрудничества между государствами, кто разжигает ненависть между народами, кто тратит миллионы на пропаганду войны, кому, наконец, выгодна такая политика. Позвольте мне выразить точку зрения советских сторонников мира по некоторым вопросам, которые так волнуют народы мира.

В одинаковой мере я не собираюсь ни скрывать своих взглядов, ни навязывать их кому бы то ни было. У нас одно горячее желание — соединить свои усилия с усилиями всех людей доброй воли в борьбе за мир и дружбу между народами.

Советские люди поддерживали и будут поддерживать такую политику мира и безопасности народов, которая исходит из того, что мирное сосуществование капитализма и социализма, а также сотрудничество вполне возможны при наличии обоюдного желания сотрудничать, при соблюдении принципа равноправия и невмешательства во внутренние дела других государств. Мы желаем развития торговли, сотрудничества с другими странами, невзирая на различие социальных систем.

На протяжении долгих лет перед второй мировой войной советский народ, невзирая ни на какие трудности, боролся за мир. Вы помните все его усилия по созданию коллективной безопасности и коллективного отпора агрессору и другие мирные предложения? Вы помните, как встречала печать, отражавшая политику правящих кругов США, Англии и Франции, мирные предложения советского народа?

Как встречала эта же печать трезвые благородные голоса деятелей культуры и тех политиков Европы, которые видели вместе с нами все нарастающую угрозу национальной безопасности, угрозу войны со стороны германского и японского милитаризма? Разве не выходили «кольерсы» того времени, на страницах которых печатались статьи и карты, показывавшие, за сколько недель Гитлер разгромит Советскую Армию и где будут стоять его войска? Разве мы не читали в «Нью-Йорк джорнэл энд Американ» в 1941 году: «Будем надеяться на то, что мир на Западе будет установлен и Европа объединится против экспансии азиатского коммунизма»? Разве не окрыляли Гитлера из-за океана высокопоставленные лица? Вот что передавало тогда агентство Ассошиэйтед Пресс: «Некоторые высокопоставленные лица высказали мнение, что Германия, несомненно, успешно вторгнется в Россию. Эти лица утверждают, что русские, почти наверняка, будут побеждены в ближайшие три месяца». Позвольте спросить, не похоже ли все это, как две капли воды, на то, что пишут, что говорят сегодня претенденты на мировое господство? Факты говорят, что холодная война — это не продукт последних лет. Ее изобрели те, кто вскормил Гитлера и помогал японским милитаристам, кто хотел столкнуть фашистские страны с Советским Союзом, кто жаждал развязать вторую мировую войну. Разжигалась ненависть против СССР, объявлялись крестовые походы против «коммунизма».

Чтобы оправдать гонку вооружений, Гитлер выдвинул идею обороны Германии. Японские милитаристы утверждали, что гонка вооружений нужна для национальной самообороны, для осуществления задачи, заключающейся в создании идеального мира и рая в Восточной Азии. А что происходит теперь? Разве не навязывают заокеанские праведники американский рай народам Европы, требуя полного очищения их от страшного греха — национальной независимости, суверенитета, требуя длительного пребывания в посте и в непосильном труде во имя обороны святых старцев с Уолл-стрита, так жаждущих создать идеальный мир и рай при помощи атомных бомб, напалма и бацилл холеры?

Во имя этого идеального мира и рая созданы агрессивные Атлантический и другие блоки, которые названы «оборонительными». Умышленно создается зловещая ситуация, чтобы в сердце простого человека родилось чувство отчаяния, чтобы он поверил, что нет выхода,— и тогда нетрудно будет толкнуть его в новую войну. Мы совершили бы непоправимую ошибку, если бы преуменьшили значение человеконенавистнической пропаганды войны. Чтобы оправдать непосильное бремя налогов, идущих на гонку вооружений, от которых стонут народы, поджигатели войны утверждают, что в этом виновен Советский Союз, который угрожает Европе. США своей идеологией и своей армией. Что касается экспорта советской идеологии, то всему миру известно утверждение главы Советского правительства по этому поводу:

«Экспорт революции — это чепуха. Каждая страна, если она этого захочет, сама произведет свою революцию, а ежели не захочет, то революции не будет». Так говорит И. В. Сталин. Советский народ никогда не собирался и не собирается навязать силой кому бы то ни было свою идеологию или свой экономический строй.

Что касается Советской Армии, которая якобы угрожает другим странам, то и эту ложь опрокидывают факты. Советская Армия, по приказу своего правительства, после войны ушла с территории Китая, Кореи, Норвегии, Болгарии, Чехословакии, Югославии, оставив на территории этих стран могилы советских воинов, проливших свою кровь за спасение мировой цивилизации от фашизма.

Советское правительство значительно сократило свои вооруженные силы, и они теперь по численности не превышают довоенного уровня. Если бы действительно советская страна готовилась к войне, разве могла бы она разрешить себе мирное строительство гигантских оросительных систем, которые уже начали превращать пустыни и миллионы гектаров засушливых земель в цветущие сады?

Могла ли бы она строить величественные плотины на Волге, Дону, Днепре, Аму-Дарье, создавать новые моря и судоходные каналы? Могла ли бы она вкладывать сотни миллиардов рублей в строительство новых школ, поставив перед собой благородную задачу, чтобы в конце этой пятилетки дать всем юношам и девушкам многомиллионного Советского Союза обязательное, всеобщее десятилетнее образование, стремясь к великой цели — дать всем советским людям высшее образование? И, наконец, могло ли бы Советское государство посвятить всю свою деятельность основному экономическому закону социализма, суть которого: обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники?

Советские люди горячо борются против войны, так как вся деятельность нашего общества неотделима от мира.

Для чего нужна клевета организаторам войны о невероятных размерах советских вооруженных сил, об агрессивных замыслах СССР? Она нужна прежде всего, чтобы запугать народы Европы, оправдать гигантское строительство сотен военно-воздушных и военно-морских баз в Европе, в Африке, на Дальнем Востоке, в Канаде и даже у Северного полюса. Во имя чего уже построено более 400 военных американских баз? На кого они нацелены? Об этом говорит Пентагон ясно и недвусмысленно: они нацелены против СССР. Но эти базы нужны не только Пентагону. Они нужны также американским империалистам, которые все более и более овладевают ключевыми позициями европейских государств.

Скажите, братья итальянцы, во имя каких идеалов американский военный флот стал хозяином в Средиземном море? Простите, но мы не можем поверить, что ваше правительство зафрахтовало американские линкоры и крейсеры для перевозки итальянских мандаринов. При всей моей фантазии писателя я не могу представить себе, чтобы г-н Черчилль зафрахтовал американские линкоры, авианосцы, крейсеры для перевозки египетского хлопка.

Посмотрите на карту мира. Там, где сконцентрированы богатства земли, там, где нефть, каучук, медь, уран, сера, олово, марганец, там с новой силой после войны провоцируются кровавые инциденты, убивают министров, депутатов, плетутся чудовищные заговоры, разгорается скрытая и открытая война американских империалистов за овладение мировыми богатствами, за право эксплуатировать дешевый труд колониальных народов. При этом с невиданной жестокостью беспощадно подавляется национально-освободительное движение колониальных народов.

Современная американская экономическая политика не только подрывает исторически сложившиеся всесторонние экономические связи между капиталистическими странами, но и лишает возможности вывозить большое количество промышленных товаров из западноевропейских стран в страны Восточной Европы в обмен на сырье и продукты питания.

Советские люди понимают, что глубокие противоречия, раздирающие теперь империалистический лагерь, могут привести к войне между некоторыми капиталистическими государствами.

Какова позиция советских людей в этом вопросе? Советский народ добивается и будет добиваться предотвращения всякой войны между любыми государствами, выступает и будет выступать за мирное урегулирование международных конфликтов и разногласий. Мы, советские сторонники мира, считаем, что любое государство, которое первым под любым предлогом и по любым мотивам возьмет на себя инициативу развязывания войны, должно быть объявлено агрессором. Я, как депутат советского парламента, горжусь тем, что принимал участие в утверждении Закона о защите мира, принятого Верховным Советом СССР 12 марта 1951 года. Этот закон объявил пропаганду войны тягчайшим преступлением. Он был принят единогласно и горячо поддержан всем советским народом.

Любой человек в Советском Союзе, независимо от его общественного положения, если бы он начал призывать в печати, по радио или на митингах к военному нападению на любую страну, в том числе и на США, был бы, согласно этому закону, немедленно заключен в тюрьму. Я желаю от всей души американскому народу как можно скорее принять такой же закон. Я надеюсь, что это мое доброе и дружеское пожелание не будет встречено, как вмешательство во внутренние дела США.

Советский народ боролся и будет бороться за запрещение атомного, бактериологического, химического и всякого иного оружия массового уничтожения людей, за справедливое и одновременное сокращение обычных вооружений и вооруженных сил пяти великих держав от одной трети до половины, за строгий международный контроль над запрещением и сокращением всех видов вооружений, как объявленных, так и предполагаемых.

Свои усилия в борьбе за мир советский народ слил с усилиями всех людей доброй воли, отстаивающих мир и сотрудничество между народами. Позвольте вас заверить, что любая мирная инициатива, от кого бы она ни исходила, будет встречена нами с большим вниманием и всем сердцем.

Теперь даже некоторые европейские политики, принадлежащие к тем кругам, которые создавали почву для агрессивного Атлантического пакта и доказывали своим народам, что этот пакт является гарантией национальной безопасности, начинают говорить по-иному. Вероятно, они убедились в той очевидной истине, что цель Атлантического пакта была не в гарантиях безопасности, например, Франции и других государств, а в уничтожении этих гарантий, чтобы дать возможность милитаристам Западной Германии вооружиться с помощью американских империалистов.

Эти европейские политики ищут выхода, вновь толкуют о гарантиях, а народы, вынесшие на своих плечах на протяжении одного поколения две войны с германскими милитаристами, видят единственно правильный путь к установлению прочного мира в Европе и подлинных гарантий безопасности европейских государств в заключении мирного договора с Германией, в выводе из Германии всех оккупационных войск, в создании единой, независимой, демократической Германии. Такая Германия наряду с миролюбивым Советским государством устраняет возможность новых войн в Европе.

Мы видим все нарастающее сопротивление антинациональной американской политике со стороны выдающихся политических, общественных и культурных деятелей Франции. Оно захватывает все более широкие слои населения, которые не могут смотреть, как правящие круги, не жалея сил великого французского народа, помогают восстановлению извечного врага Франции — германского милитаризма, и добавим, что германский милитаризм является извечным старым врагом великого немецкого народа.

Все советские люди поставили свои подписи под требованием о заключении Пакта Мира между пятью великими державами. Мы обязаны изыскать на Конгрессе способ, чтобы воля 600 миллионов, подписавших требование о заключении Пакта Мира, воля нашего Конгресса дошла до правительств великих держав. В этом Пакте народы больших и малых стран видят гарантию безопасности своих государств. Заключение Пакта Мира должно изменить положение в ООН, которая могла бы стать важным средством поддержания мира.

Мы, советские люди, придаем серьезное значение Организации Объединенных Наций. ООН, согласно уставу, учреждена как орган международного сотрудничества, но мы видим, что политики США превращают ее в орган своей диктатуры, направленный против мира. Я согласен со многими ораторами, выступавшими здесь, что нам нужно вести решительную борьбу за то, чтобы ООН стала действительным инструментом мира и сотрудничества между народами.

Советские сторонники мира горячо поддерживают мирную политику своего правительства, которое неоднократно заявляло о своем желании сотрудничать с США, Англией, Францией и другими государствами на основе соблюдения мирных международных норм и обеспечения длительного и прочного мира. Советский народ помнит торжественное заверение правительств Англии и Франции о послевоенном сотрудничестве, данное Советскому Союзу во время войны, Советский Союз желал и желает построить свои отношения с Англией и Францией на основе договоров, заключенных с этими странами. Не вина СССР, что правительства Англии и Франции не только нарушили эти договоры, но и включились в проведение агрессивных планов американских империалистов, направленных против всех миролюбивых государств.

Мы, советские люди, никогда не смешиваем американский народ с американскими империалистами, которые хотят ввергнуть американский народ и весь мир в бедствия и ужасы войны. Советские люди знают и ценят те выдающиеся творения национального гения американского народа, которые вошли в сокровищницу мировой культуры и стали достоянием всех народов.

Но мы должны сказать правду тем американцам, которые хотят строить свое благополучие на войне, на горе и смерти других. Против такого образа жизни мы, народы мира, будем не только протестовать, но и вести борьбу, не жалея сил, и я думаю, что выражу ваши чувства, если скажу, что такой образ действий будет спасительным, прежде всего, для американского народа. Я хочу остановиться на двух программах, изложенных государственными деятелями на разных континентах. В своей речи 4 сентября 1952 г. на митинге республиканской партии в Филадельфии г-н Эйзенхауэр сказал: «Сейчас наша инициатива, фантазия и производственная система вновь прикованы к войне и к перспективе войны. Наша экономика — это военная экономика. Наше процветание — это военное процветание».

Мы видим, какой оказалась эта перспектива для корейского народа. Мир никогда не забудет величайших страданий истерзанной героической Кореи. Мы глубоко понимаем, что несет эта перспектива всем народам мира, в том числе и американскому народу.

Но есть и другая перспектива.

Ее начертал один из виднейших деятелей Советского государства Георгий Маленков. Всем сердцем принял советский народ его перспективу. Он сказал: «существует другая перспектива, перспектива сохранения мира, перспектива мира между народами. Эта перспектива требует запрещения пропаганды войны согласно Постановлению ООН, запрещения атомного и бактериологического оружия, последовательного сокращения вооруженных сил великих держав, заключения Пакта Мира между державами, расширения торговли между странами, восстановления единого международного рынка и других аналогичных мероприятий в духе укрепления мира.

Осуществление этих мероприятий укрепит мир, избавит народы от страха перед угрозой войны, прекратит неслыханное расходование материальных ресурсов на вооружение и подготовку истребительной войны и даст возможность обратить их на пользу народов.

Советский Союз стоит за осуществление этих мероприятий, за перспективу мира между народами». Вот, дорогие друзья, та перспектива, которая воодушевляет советский народ. Я буду счастлив, если вы, дорогие друзья, увидите вместе с советскими сторонниками мира эту светлую, окрыляющую народы перспективу мира. Это истинный путь, который ведет к победе жизни над смертью, мира над войной. Жизнь показала, что силы мира несравненно больше сил войны. И пусть нас не пугают поджигатели войны. Врут они, что наши души в смятении, что наши сердца наполнены страхом. Неправда! Правительства уходят и приходят, народ вечен. И теперь, когда все народы мира все сильнее объединяются против войны, победа будет за народами. Да здравствует мир во всем мире!

Речь на Венском Конгрессе народов в защиту мира.

НОЧЬЮ НА УЛИЦАХ ФРАНКФУРТА...

Перед нами—страница из западногерманского журнала «Франкфуртер рундшау». Помещенный на этой странице фоторепортаж озаглавлен: **«Ночью на улицах...»** Это, как гласит подзаголовок, **«взгляд на «домашний очаг» безвестных»**, иными словами, рассказ о бездомных и безработных Франкфурта. Снимки запечатлели несколько эпизодов какой-то одной ночи, но такие же трагические эпизоды можно наблюдать на улицах города в любую ночь года— каждый месяц и каждую неделю, в короткие ночи лета и в долгие ночи января.

Фотографии журнал «Франкфуртер рундшау» сопроводил подписями. Мы приводим полностью эти подписи в переводе на русский язык.

Снимок вверху слева: «Вот они лежат. У них нет ни крова, ни домашнего очага... Они откуда-то пришли и куда-то идут. Они апатичны, устали, до ужаса безразличны ко всему. Их больше ничто не в состоянии потрясти, даже полицейский патруль, проверяющий документы... Документы — это единственное, что у них в порядке. Работать? Да, большинство из них хочет работать. Бродяжничеством не всегда занимаются из любви к этому делу. Иногда, а вернее говоря, в большинстве случаев, бродяжничество — результат страшной судьбы».

Снимок внизу слева: «Этот день был долгим — и таким же бесплодным, как и все дни и недели. Результат: голод, усталость и еще большее обнищание, если это вообще еще возможно. Имущество? Оно помещается в портфеле, который по ночам служит вместо подушки. В течение месяцев этот человек не видел кровати. Из его семьи никто не остался в живых. Он одинок в этом мире, который не в состоянии предоставить ему более достойное место, чем место на улице».

Снимок вверху справа: «Какая трогательная сцена и какой безжалостный фон! Холодная кровать и холодное будущее. Теплы лишь его руки, которыми он прикрывает по ночам ее голову, как бы пытаясь защитить ее сон от влажного тумана, от мира, лишившего их счастья».

Снимок в центре: «Четырнадцать лет этому несчастному существу, которое не знает родительской любви и не видит выхода из слишком рано возникшей перед ним проблемы. Что станет с ним? Что может выйти из детей, которые знают один лишь голод, холод и постоянный страх?»

Снимок внизу справа: «Взгляд этих глаз больно ранит — он обвиняет от имени тех безвестных людей, которые именуются в статистике «нелегально проживающими» и изображаются там в виде кривой. Эти глаза не в состоянии больше любить, ибо не знают, что любить; они не хотят, чтобы их любили, ибо больше не верят в это. Они рассчитывают на то, что есть, а не на то, что могло бы быть; на тот счастливый «случай», который часто толкает на преступление».

* * *

Все возрастающая безработица, нищета, голод — таков удел миллионов жителей Западной Германии. Даже буржуазная печать, обычно восхваляющая прелести жизни в боннской колонии янки, не в состоянии скрыть этого. Журнал «Франкфуртер рундшау», разумеется, не сказал о том, кто довел изображенных на фотографиях людей до крайней степени нищеты, кто лишил их права на достойное человека существование. Он ограничился лишь филантропическими вздохами по адресу «несчастных». И тем не менее, вопреки желанию редакции, этот фоторепортаж превратился в обвинительный акт против нынешних хозяев Западной Германии — американских империалистов и их боннских марионеток!

Немецкие писатели о Советском Союзе

Не так давно в Германской Демократической Республике была проведена «Неделя советской книги». Она показала все возрастающий интерес немецких читателей к советской литературе. За последние пять лет одно только немецкое издательство «Культур унд фортшритт» («Культура и прогресс») выпустило 311 названий советских книг общим тиражом 8,5 млн. экземпляров.

Активными пропагандистами советской культуры и литературы выступают передовые немецкие писатели.

Редакция нового литературно-художественного журнала «Нейе дейче литератур» («Новая немецкая литература»), главным редактором которого является известный немецкий писатель Вилли Бредель, выпустила в дни месячника германо-советской дружбы первый номер журнала, материалы которого посвящены Великой Октябрьской социалистической революции и строительству социализма в СССР.

Публикуя на своих страницах документы выдающегося исторического значения— статью В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», письма И. В. Сталина Максиму Горькому и Демьяну Бедному, выдержки из беседы И. В. Сталина с английским писателем Гербертом Уэлсом, а также статью Клары Цеткин «Ленин об искусстве», журнал помогает широким кругам немецких читателей еще глубже понять великие идеи, одухотворяющие советскую литературу и определяющие пути ее развития.

Тема неразрывной дружбы немецкого народа и народов Советского Союза с большой силой звучит в стихотворениях Эриха Вайнерта «За вечную дружбу» и молодого поэта Вальтера Странки «Привет стране Советов», помещенных в журнале. Поэт Стефан Хермлин в стихотворении «Аврора» воспевает день 25 октября 1917 года, когда орудия легендарного крейсера возвестили всему миру начало новой эры в истории человечества:

Твердой железной поступью
Годы-богатыри
Идут по стране, где крейсер
Носит имя зари.

Крепостью мира стала
Юная эта страна.
Дважды о красные скалы
Лоб раскроила война.

Май своим новым рождением
Обязан навек Октябрю!
Партия охраняет
Взошедшую в бурях зарю.

Писатель Фридрих Вольф в небольшом рассказе «Карл Либкнехт сражается в Николаеве» повествует о восстании рабочих Николаева, оккупированного немецкими войсками в 1918 году. Во время этого восстания часть немецкого гарнизона примкнула к рабочим и вместе с ними вела борьбу за установление в городе советской власти.

В опубликованных в журнале отрывках из печатавшихся в разное время очерков Анны Зегерс, Людвига Ренна, Карла Грюнберга и других немецких писателей запечатлены характерные черты советского человека, создателя новой жизни.

Интересные воспоминания о своих встречах с Владимиром Маяковским опубликовал в журнале писатель Ф. Вайскопф, рассказавший о том, с каким огромным вниманием и дружеской заботой относился великий советский поэт к творчеству своих зарубежных соратников по перу.

Ряд литературно-критических статей, напечатанных в журнале, посвящается творчеству крупных немецких писателей — Генриха Манна, Арнольда Цвейга, Иоганнеса Бехера, Кубы и С. Хермлина.

«Велик образ СССР, — писал Генрих Манн в 1937 году. — Одна лишь Октябрьская революция установила как принцип, что человек может и должен добиваться своего счастья, пусть даже ценой тяжелой борьбы... Пусть знает Советский Союз, какой гуманистический пример он показал миру. Где бы на земле ни боролись люди за свою свободу, за право самим строить свое счастье,— везде с ними рядом стоит великий образ Советского Союза».

В статье, обращенной к западногерманским читателям, Эрих Вайнерт разоблачает клеветнические утверждения врагов немецкого народа, стремящихся посеять чувства вражды к Советскому Союзу. На убедительных и конкретных примерах Вайнерт показывает, что национальные интересы германского народа, борьба за мир и единство Германии неразрывно связаны с Советским Союзом, неуклонно отстаивающим право всех народов на свободное демократическое развитие.

В дни месячника германо-советской дружбы, закончившегося в декабре, издательство «Ауфбау» выпустило из печати книгу «Победа будущего», в которой представлено около 100 произведений прогрессивной немецкой прозы и поэзии, посвященных Советскому Союзу. В предисловии к сборнику немецкий публицист Александр Абуш отмечает, что Советский Союз «оказал решающее влияние на возрождение немецкой литературы в духе подлинного боевого гуманизма».

В книгу вошли произведения И. Р. Бехера, А. Зегерс, А. Цвейга, Б. Брехта, Э. Вайнерта, Кубы, В. Бределя, Э. Клаудиуса, Ф. Вольфа, С. Хермлина и многих других немецких писателей и поэтов старшего и молодого поколений.

Передовые немецкие писатели, активно участвующие в борьбе за мир, за единство и национальную независимость своей страны, всей своей творческой и общественной деятельностью способствуют укреплению дружбы и культурных связей между народами Германии и Советского Союза.

В. СТЕЖЕНСКИЙ

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

Американская газета «Вашингтон дейли ньюс» 10 ноября 1952 года поместила под заголовком **«Враждебность в Европе. Антиамериканские настроения ширятся»** сообщение агентства Юнайтед Пресс из Лондона. Американское агентство констатирует:


The Washington Daily News

Hostility in Europe
Anti-U. S. Feeling Spreads

By United Press
LONDON, Nov. 10—There is a rising sentiment of anti-Americanism in Europe these days, a feeling that comes pretty close to downright dislike of the Yanks.

«ЛОНДОН, 10 ноября. — В настоящее время в Европе нарастает настроение антиамериканизма, чувство, очень близкое прямому отвращению к янки».

Далее в телеграмме говорится: *«Когда такого размера английский город, как Манчестер, был объявлен закрытым для американских солдат, мыслящим англичанам и американцам в одинаковой мере пришлось задуматься над серьезностью положения, создавшегося в результате размещения на этом небольшом острове около 70.000 человек из личного состава военно-воздушных сил США.*

Это запрещение, теперь снятое, было установлено после стычки между «Джи-Айс»[1] и группой хулиганов[2]».

[1] Американскими солдатами. — Прим. ред.

[2] Так именует реакционная американская печать английских патриотов, протестующих против наглого поведения янки на британской территории.— Прим. ред.

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — К 0-75-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30.

Б00803.